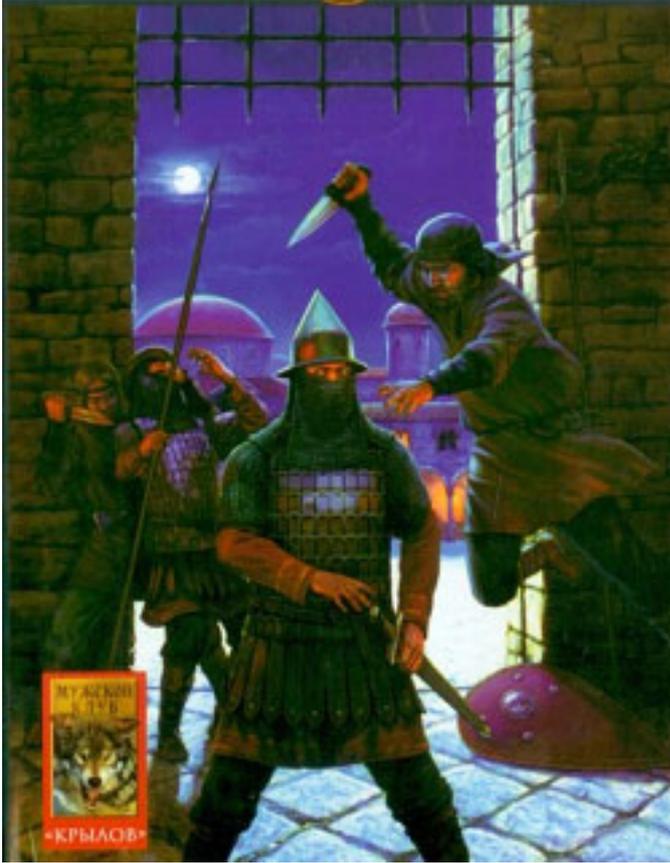


ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Валерий Елманов

# Алатырь-камень



**Валерий Елманов**  
**Алатырь-камень**  
Серия «Обреченный век», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Крылов»  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=164762](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164762)  
Обреченный век. Алатырь-камень: Издательство «Крылов»; СПб; 2008  
ISBN 978-5-9717-0651-9*

**Аннотация**

1240 год. За плечами пришельцев из будущего Константинополь и Урал, Крым и Кавказ, гибель соратников, мятежи князей и крестовые походы Запада на Русь. Наконец-то настало время для спокойного путешествия с осмотром северных рубежей.

Но уже стоят у границ орды врагов, и воины Бату-хана потайными тропами пробираются к Плещееву озеру, к Алатырь-камню – оберегу всей Руси. Встретить же их некому – войска ушли в степь. И князь Константин решает принять неравный бой.

## Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

# Валерий Елманов

## Алатырь-камень

*Всем выпускникам славного Львовского ВВПУ, особенно тем, кто в далеком 1985 году стоял со мной в одном строю в новеньких лейтенантских погонах и уходил с плаца под бравурные звуки «Прощания славянки», ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

### Пролог

#### Идти туда, не зная куда

Путник уже потерял счет времени. Сколько дней и ночей он шел по бескрайней заснеженной степи – он не сумел бы ответить и под страхом смерти. Вначале он еще пытался их как-то запоминать, но примерно через неделю сбился, а потом и вовсе забросил это бесполезное занятие.

К тому же у него были дела поважнее. Если бы не они, то он просто лег бы сейчас в снег, зарывшись с головой в какой-нибудь сугроб, и так бы и уснул. Навеки. Усталость была такой сильной, что даже собственная смерть стала бы не трагедией, а благом. Причем благом не только для него одного, но и для всех, кого он оставил у себя за плечами.

Если бы кто-то из тех, от кого он улизнул, проведали бы, что именно он знает, они с радостью пожертвовали бы своим богам огромный мешок, доверху наполненный золотом, чтобы остановить его. Хотя нет, для такого дела они не пожалели бы не только мешка – отдали бы и два, и три, да еще посчитали бы, что совершили выгодную сделку. Остановить, пока не случится непоправимое. А непоправимое должно было случиться в тот самый миг, когда он встретит хоть кого-то из людей. Своих людей.

Однако пока в этой голой и безлюдной бескрайней степи, слегка припорошенной снегом, ему не встретился никто кроме одной волчьей стаи. По счастью, она была малочисленной и состояла из трех молодых волков, ведомых матерой волчицей. Скорее всего, мать вывела своих щенят на первую в их жизни охоту. Первую, ставшую и последней.

«В каждом событии, пусть даже самом плохом, кроется и хорошая сторона, – припомнились ему слова наставника. – Надо только повнимательнее к нему присмотреться, и ты сразу увидишь ее».

Волки – это плохо. Что в них хорошего, он бы ответить не смог. Но это тогда, когда он их только-только увидел. Через пару дней он мог уже твердо сказать, что эта стая спасла ему жизнь. Во-первых, они дали ему столь необходимое свежее мясо, пусть и весьма невкусное, а во-вторых – боль в прокушенной руке.

Эта боль будила его, помогала преодолеть великий искус остаться навсегда на месте очередного ночлега. Она не просто поднимала на ноги, но и придавала сил, заставляла выползти из очередного овражка, который он подыскивал ближе к вечеру. Овражек был уютен, в нем царил тишина, но, когда путник выползал из него, на него вновь набрасывался истошно визжащий степной ветер, чей неумолкающий пронзительный вой изрядно выводил его из себя.

Но заканчивалось и волчье мясо. Последние три дня его приходилось жевать сырым – он слишком поздно обнаружил, что трут и кресало выпали у него из прохудившегося тощего

дорожного мешка, суля ему череду холодных ночей. Две из них уже миновали, но сколько еще было впереди – одному богу<sup>1</sup> известно.

Впрочем, по-настоящему его сейчас беспокоило только одно – туда ли он идет, потому что с направления он тоже сбился, а определиться на этой бескрайней равнине, над которой изо дня в день нависали злые серые тучи, не давая солнцу выглянуть из-за них хотя бы на мгновение, было невозможно. Он знал, что ничего поделаться нельзя, но смириться не желал.

Хотя и в этом после некоторого размышления он тоже сумел найти хорошую сторону. Настойчивые мысли о том, как определить это самое треклятое направление, помогали немного отвлечься и не так сильно мучиться от холода, который вместе с ветром бесцеремонно проникал под его теплый стеганный халат и зло щипал и без того окоченевшее тело.

Тем не менее он шел, полный решимости одолеть эту степь, равнодушную к людским страданиям, этот злой порывистый ветер, этот холод, убивающий все живое. Одолеть и выйти к людям.

Место для очередного ночлега он присмотрел себе в этот день рано, до сумерек оставалось еще изрядно. Немного поколебавшись, пройти еще или заночевать здесь, он позволил себе отдохнуть. Уж больно уютным выглядел этот овражек, достаточно крутой, чтобы туда не забредал ветер, и в то же время его края не были отвесными – утром будет несложно из него выбраться. Словом, почти идеальное место для ночлега.

Окончательно он пришел к такому выводу, когда его по-прежнему зоркие глаза узрели внизу пепелище. Это тоже было и плохо, и хорошо. Плохо потому, что ни сухой травы, ни кустарника там уже не было. Но у путника не имелось ни кремня, ни трута, поэтому оставалось только хорошее – кто-то здесь уже был, и, возможно, не сегодня-завтра он его увидит.

Его потрескавшиеся кровоточащие губы слегка раздвинулись в слабом подобии улыбки. Путник огляделся по сторонам, надеясь увидеть этого человека, но степь была по-прежнему пуста. Он попытался крикнуть, но почти сразу понял, что напрасно потратит оставшиеся силы. Ветер глушил его хриплый крик так же надежно, как если бы он просто шептал себе под нос. Следов того человека, который здесь побывал, он тоже не видел.

Тогда он спустился вниз, решив определить по пепелищу – когда именно здесь был тот, кто прошел до него. Увиденное давало богатую пищу для размышлений, но не отвечало на вопрос. Точнее, ответ был, но уж очень неопределенный – несколько дней назад. Сколько именно – оставалось только гадать.

Путник подумал, что было бы неплохо еще раз выползти наверх и в поисках следов обойти овражек со всех сторон. Однако надвигалась ночь, и он решил все оставить до утра. Пожевав и с усилием проглотив небольшой кусочек волчьего мяса, он полез в мешок за другим, но, обнаружив, что там остался всего один, решил оставить его на утро. Да и есть хотелось пока не так уж сильно. Мысли были заняты иным – никак не давал покоя неведомый человек, прошедший по этому пути до него.

«Нет, проехавший, – тут же мысленно поправил он сам себя. – В такое время года идти пешим ходом по степи – самоубийство. Я и сам никогда бы не решился на такое, если бы не...»

Он нащупал за пазухой теплую продолговатую пластинку, вытащил ее и устало усмехнулся, разглядывая изображенного на ней гордого кречета. «Казалось бы, такая малость, а ведь сколько раз жизнь мне спасала, пока не выбрался», – подумал путник и вновь убрал ее за пазуху.

---

<sup>1</sup> Автор напоминает читателю, что для соблюдения равноправия – ведь не пишем же мы Бог Хронос, Бог Перун, Богиня Мокошь и т. д. – здесь и далее к словам бог, богородица, аллах, библия и пр. применены правила прежнего советского правописания.

Было у него там и еще кое-что, но это уж и вовсе тайное, извлекать которое он не собирался. К тому же тайна эта принадлежала не ему, так что пускай хранится в потаенном месте до поры до времени.

Боль в раненой руке слегка ослабела, и уснуть он смог довольно-таки быстро. Зато на следующее утро его ждало одно из самых тяжелых разочарований. Уже поднимаясь по крутому склону наверх, он нашел такое, что позволило ему определить, когда именно ночевал в этом овражке тот, другой. Теперь он даже знал имя этого другого. Это был... он сам.

Тупо крутя в руках маленький мешочек с трупом и огнивом, который выпал у него три дня назад, он с трудом сдерживался, чтобы не завывать от горя. Выходит, все эти последние дни он даже не кружил по степи, ни на шаг не приблизившись к конечной цели своего тяжелого путешествия, а напротив – шел обратно.

Но это было еще полбеды. Подлинная беда заключалась в том, что не исключался и иной, гораздо худший вариант. Возможно, что он и раньше никуда не шел, делая один-единственный большой круг по степи.

Ему очень хотелось громко-громко завывать, задрвав лицо кверху и упрекая небеса в том, что они не стали помогать ему даже в такой ничтожной малости. Однако мужество его не покинуло. Собрав воедино остатки воли, он вновь упрямо двинулся в путь. В путь по дороге, которой не было. В путь, который вел неизвестно куда. И пока он жив – он будет упрямо брести, надеясь, что все-таки сможет найти людей.

Иного выхода для себя путник не видел.

## Глава 1 Как Вещий Олег

*Последние распоряжения были наконец отданы, и Константин неспешно прошел к карете, прочно стоявшей на санных полозьях в ожидании своих пассажиров. Он планировал выехать еще три дня назад, но разгулявшаяся непогода внесла свои коррективы. Разбушевавшаяся вьюга, которая началась уже на следующий день после отъезда шведского посольства во главе с ярлом Биргером, без устали хлестала острым колким снегом, чуть утихала и вновь неистово неслась в очередную шквальную атаку на Санкт-Петербург со стороны Финского залива.*

*Зато нынче денек обещал быть хоть куда. Порывистый ветер еще вечером начал затихать, а к утру и вовсе сменился на плавный хоровод крупных нарядных снежинок, медленно спускающихся к земле. Да и морозец поубавился градусов эдак до пяти-шести.*

*Константин, его сын царевич Святослав и верховный воевода Вячеслав неспешно уселись в карету. Внутри ее было тепло – заботливый распорядитель с раннего утра приказал установить в ней жаровню с углями, которые меняли каждый час.*

*– Путешествие из Санкт-Петербурга в Рязань начинается, – весело констатировал Вячеслав.*

*– Прямо по Радищеву, – подтвердил Константин.*

*Он тоже был бодр и доволен – в первую очередь успехом переговоров, после которых можно было не бояться нападения с севера. Фактический правитель Швеции Биргер, правивший страной, от имени своего короля Эрика Шепелявого заверил, что он не только не помышляет о каких-либо враждебных действиях, но и напротив – всегда готов прийти на помощь государю Руси ежели что.*

*– А почему ты, батюшка, так решил назвать сей град? – осведомился Святослав.*

*Константин переглянулся с воеводой, и они, не сговариваясь, заулыбались.*

*– А чем тебе это название не по душе? – спросил в свою очередь Константин. – По моему, очень даже хорошо звучит. И потом, насколько я слышал, апостол Петр был рыбаком, что к морю имеет самое прямое отношение.*

*– А я так мыслю, что надобно его назвать в честь того, кто ставил.*

*– Да ведь он так и назван, – буркнул Вячеслав и тут же осекся.*

*– Воевода имеет в виду, что мысль об этом граде мне как раз Петр подсказал, – пояснил Константин, грозно посмотрев на Вячеслава.*

*– Это какой Петр? – заинтересовался царевич.*

*– Да ты его не знаешь, – досадливо отмахнулся Константин, не зная, что еще сказать.*

*– Он из купцов голландских будет, – невинно улыбнулся воевода и пояснил: – Его так и звали, хер Питер. Наш государь его под Москвой как-то встретил. Давно это было. Умный человек, но пил много. Наверное, помер уже.*

*– На что хорошему купцу, да еще и иноземному, Москва сдалась? Там и торг плохонький, да и сам град как щель клоповья – повернуться негде, – степенно заметил Святослав.*

*– Может, за мехами приезжал, – пожал плечами воевода и тут же резко переменял тему: – Это получается, что мы в Рязань лишь после Рождества приедем, аж в следующем году, – заметил он. – Это какой уже у нас будет? Только по новому счету, а то я с этим сотворением мира путаюсь все время.*

*– Одна тысяча двести сорок первый от рождества Христова, – ответил Константин.*

– Сорок первый... Символичная дата, – многозначительно заметил Вячеслав. – Конечно, катить придется долго, но зато с комфортом, – успокоил он сам себя, снимая тяжелую бобровую шубу, и весело хмыкнул. – Мое странствие из Киева в Константинополь этим не отличалось. Скорее уж наоборот – еле выжили.

– А я и вовсе думал, что вы все погибли, – отозвался Константин. – Наверное, на волосок от смерти были?

– Ошибочка небольшая, – поправил его Вячеслав. – На волосок от костлявой с косой мы были попозже, хотя тоже в Константинополе.

– Это в ту ночь, когда ты его от поганых латинян освобождал? – оживился Святослав.

– Да нет, – нехотя отозвался воевода. – В ту ночь... – и осекся, вспоминая события той поры.

Вячеслав ничуть не бравировал опасностью, когда относил морскую бурю, изрядно потрепавшую их корабли, к чему-то второразрядному. Да, было страшно, но в свою смерть, равно как и в то, что может погибнуть митрополит Мефодий, ему почему-то все равно не верилось. Не его это был день, явно не его.

Да и панический ужас, нахлынувший на воеводу, был больше связан не с неожиданным кораблекрушением и даже не с тем, что среди бушующего моря он не мог разглядеть ни одной ладьи, а... со знакомым веретеном, замаячившим метрах в пяти от него и зависшим так низко над водой, что волны зачастую касались его своими белопенными гребнями.

Словом, все эти два часа, которые он провел в воде, Вячеслав самое главное внимание уделял именно ему, основные труды уходили на то, чтобы держаться от него подальше. Помогло еще и то, что почти сразу после того, как их корабль пошел ко дну, буря, будто достигнув своей цели, стала стихать.

Митрополиту повезло даже больше. Ему под руку попались две связанные пустые бочки из-под питьевой воды. Правда, второй рукой божьему служителю приходилось все время поддерживать на плаву пса Упрямца, пока тот не ухитрился самостоятельно уцепиться лапами за веревки, опутывающие бочонки.

Веретено некоторое время висело и над ним, однако Мефодий столь строго и решительно осенил его крестом, что оно исчезло буквально через каких-то десять минут. Да и пребывал он в море поменьше воеводы. Его заметили и выловили раньше, чем Вячеслава, так что катастрофой это купание можно назвать лишь с большой натяжкой.

Всего же русская флотилия потеряла только три судна и около сотни человек, причем треть из них Вячеслав вовсе не считал потерей – пленные датчане при любом раскладе все равно должны были быть проданы купцам в Константинополе. Так что воевода терял не людей, а серебро, причем не столь уж большое его количество.

Своих было жалко, что и говорить, но и тут предаваться особому горю времени не было. Через несколько дней на горизонте должны были показаться величественные башни и стены Царьграда, так что ему предстояло еще раз прокрутить в голове весь намеченный план боевых действий.

Кое-какие коррективы в первоначальную задумку он внести успел. Поэтому поначалу к Константинополю причалила всего одна русская ладья, в которой находился ушлый грек Филидор с пятью слугами и четырьмя десятками невольников.

За пару дней, которые он провел в городе, Филидор успел очень многое. Во-первых, он узнал, что заправляют в Константинополе – если дело касалось торговых дел – преимущественно венецианцы. Во-вторых, выяснил, что в последнее время на купеческих галерах обнаружилась резкая нехватка гребцов, а в-третьих, успел исхитриться провести совер-

шенно конфиденциальный разговор с венецианским старейшиной, почтенным Бартоломео Кьянти.

Тонко намекнув, что его русский хозяин – простак, каких мало, прохиндей Филидор уговорился с Бартоломео о том, что поначалу заломит за русских и прочих рабов дикую цену, чтобы никто не смог купить ни единого человека. Затем, спустя дней десять-двенадцать, согласовав все это с русским хозяином, грек резко снизит их стоимость, предварительно дав знать об этом венецианцам, чтобы соотечественники Бартоломео смогли приобрести их за полцены. Филидор даже содрал за свои услуги десяток золотых монет в качестве аванса. Окончательно расплатиться венецианец обещал сразу после оформления покупки.

Именно потому, когда пятнадцать русских ладей пристали к Константинополю, их пассажирам не сильно досаждали всяческими формальностями. Да, были и недоверчивые взгляды крючконосых стражников-венецианцев на пристани, и вымогательство взятки, но все это не превышало той степени риска, которая была запланирована друзьями изначально.

К тому же делу изрядно благоприятствовала погода. Когда русские подплывали к Константинополю, весь Боспор<sup>2</sup> закутался в непроницаемую пелену густого плотного тумана. Воспользовавшись помощью этого неожиданного союзника, сорок пять русских судов незаметно проскользнули через пролив под покровом ночи, держась противоположной от города стороны. Проскользнули и тут же устремились влево, в сторону Nikei.

Зато оставшийся десяток, ничуть не таясь, направился к городу, чьи стены величественно возвышались над морской гладью.

Дальше все пошло тоже как-то буднично и настолько благополучно, что Вячеславу порой и самому не верилось. Десять дней, которые были отведены на первоначальное обустройство, разведку и рекогносцировку, пролетели незаметно. Да и не до того было константинопольским властям, чтоб присматриваться к русскому каравану с несколькими сотнями невольников. Уж больно беспокойно стало на востоке Латинской империи. Буквально через три дня после появления этого каравана тревожная весть всколыхнула всех рыцарей, находившихся в городе, – властитель Nikei император Феодор вновь двинул свои войска к границам их владений.

И вновь первоначальный расчет Вячеслава и Константина по выманиванию основных сил рыцарей из Константинополя сработал на все сто, встретив самое горячее одобрение со стороны зятя тяжелобольного императора Феодора II.

Иоанн Дука Ватацис, воодушевленный тем, что в его войско влилась целая полутысяча великолепных бойцов, сразу после встречи с русским посланником двинул все, что у него имелось под рукой, на запад, громогласно заявив, что намерен дать надменным рыцарям хорошую выволочку.

Многочисленные уговоры придворных, наперебой убеждавших его в том, что он совершает непростительную ошибку, он только нетерпеливо выслушивал, причем не всегда до конца, а на все их доводы отвечал лишь одно:

– С полутысячей этих русских катафрактариев я не боюсь ничего, – и горделиво окидывал влюбленным взглядом дружинников, выстроившихся перед ним.

Полюбоваться было на что. Чуть ли не каждый русич из этих пяти сотен едва ли не на голову возвышался над обычным греком. К тому же от их скупых жестов и даже улыбок чуть ли не физически веяло мощной всеокрушающей силой. Силой, готовой в любой момент обрушиться на войско, втрое, вчетверо, а то и впятеро превышающее их числом.

Им были чужды сомнения, боязнь и страх поражения. Грядущая победа яркими солнечными зайчиками весело прогуливалась по их кольчугам и шлемам, не просто убеждая в

---

<sup>2</sup> Именно так называли тогда современный Босфор.

том всех, кто находился с ними рядом, но и вселяя в них точно такую же непоколебимую уверенность.

Первые победные стычки с малочисленными отрядами западных рыцарей тоже внушали Иоанну определенный оптимизм.

Власти Константинополя не паниковали. К греческой армии они привыкли относиться как к назойливой мошкаре и потому были уверены, что сумеют прихлопнуть их одним могучим ударом длани, закованной в железо.

Утром девятого дня, если считать с момента появления русских ладей с невольниками-датчанами в Константинополе, мощное трехтысячное войско крестоносцев начало переправляться на азиатский берег Боспора. К вечеру они уже успели преодолеть первые десять римских миль, а на следующий день, аккуратно перед наступающими сумерками, перерезали дорогу следующему на запад двухтысячному войску никейского императора.

Юный император Латинской империи Роберт, жаждущий военных побед, вначале настаивал на том, чтобы дать бой сразу же, но более опытные военачальники сумели настоять на том, чтобы усталое войско получило хотя бы сутки для передышки.

Однако на следующее утро выяснилось, что Ватацис отступил без боя. Следующие три дня ситуация повторялась вновь и вновь. Отряды крестоносцев к вечеру настигали никейское войско, но к утру оно вновь отступало, заставляя неприятеля устремляться в погоню.

А на четвертые сутки в лагерь крестоносцев прискакал гонец из Константинополя, да с такими известиями, что хоть самим беги, причем без оглядки.

Многого вестник сообщить не мог, поскольку всех подробностей случившегося он попросту не знал, ибо ночь создана для того, чтобы благочестивый христианин спал после вечерней молитвы, а не бродил с мечом по улицам. Спал и будущий вестник.

Тем временем пятьсот русичей, еще совсем недавно, каких-то пять часов назад стоявших на невольничьем рынке, связанные попарно и по трое, выступили из постоялого двора, на котором они были размещены. Вот только, в отличие от недавней дневной прогулки, на этот раз шли они не уныло, пошатываясь и то и дело спотыкаясь, а бодрым быстрым шагом, причем все, как один, были вооружены до зубов. А впереди их неслышными тенями скользил десяток спецназовцев.

Первый патруль городской стражи им встретился сразу перед Амастрианской площадью. Это место уже давно пользовалось среди жителей города дурной славой. Считалось, что из-за обилия языческих статуй, выставленных на ней, – Зевса-Гелиоса на мраморной колеснице, распростертого на земле Геракла, разных фантастических птиц и ужасного вида драконов, – площадь по ночам находится во власти демонов, которым посвящены эти фигуры.

Именно поэтому, едва начальник стражи краем глаза заметил небольшую черную тень, метнувшуюся к нему из-за одной из статуй, он не стал хвататься за меч, а благоразумно решил перекреститься, чтобы бесовское наваждение сгнуло и исчезло обратно в страшной бездне ада. Руку ко лбу он поднести не успел – тяжелый острый нож вошел аккуратно в горло, прерывая движение на полпути. Остальные перед своей смертью и вовсе ничего не успели заметить, оставшись лежать в компании с мраморным Гераклом, распростертым на земле.

– Промедлил, – укоризненно заметил один из людей в черном другому.

– Исправлюсь, – виновато выдохнул тот в ответ.

– Нет, – отрезал первый безжалостно. – Меняйся с Родионом. Будешь оттаскивать.

Званко, теперь ты впереди, – последовал короткий приказ.

И тени скользнули дальше по главной улице Константинополя Месе<sup>3</sup> в сторону Филадельфия. Совсем недавно эти люди уже были здесь. Некоторые изображали надсмотрщиков, а остальные – рабов. На этот раз они играли гораздо более привычную для себя роль воинов специального назначения. Каждый знал назубок, что именно ему предстоит выполнить.

К тому же это была далеко не первая их прогулка по ночному городу, так что они приблизительно знали, где именно повстречаются с очередным патрулем ночных стражников и даже сколько тех будет.

В районе Филадельфия ожидаемый патруль не появился. Это означало, что он до Месомфала<sup>4</sup> еще не дошел, а встретится им чуть дальше. Так и получилось. Троица мертвых стражников улеглась головами к стене, отделяющей Месу от монастыря Христа Акаталиптоса<sup>5</sup>.

Третья по счету стража попала им намного позже, на площади Тавра. Этих разместили прямо возле бронзовых статуй императора Феодосия и его сыновей. Воины задержались на площади лишь на несколько секунд – ополоснули руки и ножи в нимфее, куда сливались воды самого главного акведука Константинополя, водопровода императора Валента. Медлить было нельзя – впереди их ждал последний, четвертый патруль.

Миновав Анемодулий<sup>6</sup>, первый из спецназовцев остановился. На его призывный тихий свист сзади из темноты мгновенно выступили еще пятеро.

– Вам торговые ряды и Артополий<sup>7</sup>, – последовала короткая команда, и почти тут же вся пятерка послушно нырнула влево.

– После форума Константина меняетесь, – раздалось еще одно распоряжение, и десять черных теней, несущих с собой безжалостную скорую смерть, двинулись дальше, бесшумно огибая Порфирную колонну.

Еще дважды человек, плавно скользящий в своем беге, отрывисто бросал распоряжения, рассылая пятерку за пятеркой то влево – к кварталам медников и ювелиров, то вправо – к ипподрому, высившемуся сплошным черным пятном.

А вот уже и площадь Августеона<sup>8</sup>. Справа перед ними открылся вход в Большой дворец, а слева застыла громада церкви Святой Софии. Впереди чернели безобразными проломами стены старых полуразрушенных общественных бань Зевскиппа<sup>9</sup>. Фигуры застыли, ожидая новой команды старшего.

– Передохнуть, – коротко распорядился тот, доставая из-за пазухи какой-то сверток, разворачивая его и что-то на себя напяливая.

Облачившись в саккос<sup>10</sup>, хотя и значительно более свободный, чем того требовала тогдашняя мода, он критически осмотрел себя, недовольно поморщился и махнул рукой.

– Сойдет, – буркнул он вполголоса и повелительно произнес: – Фляжку!..

– Слышь, Торопыга, может, я пойду? – робко предложил кто-то из его спутников. – Дозволь, а?

<sup>3</sup> Меса – это название улицы означает «срединная».

<sup>4</sup> Месомфал – (средостение) так назывался район Константинополя, в котором располагался Филадельфий.

<sup>5</sup> Акаталиптос – непостижимый.

<sup>6</sup> Анемодулий – башня, расположенная сразу за площадью Тавра, с изображением птиц и стад, сельскохозяйственных работ и смеющихся эротов, бросающих яблоки. На вершине башни стояла женская фигура, поворачивающаяся словно флюгер под дуновением ветра. Говорили, что византийский император Андроник I (1183—1185) собирался водрузить на башне свою собственную статую, но не успел этого сделать.

<sup>7</sup> Артополий – квартал булочников.

<sup>8</sup> Площадь Августеона названа так в честь августы Елены – матери императора Константина.

<sup>9</sup> Зевскипп – легендарный строитель этих бань.

<sup>10</sup> Саккос – верхняя одежда жителей Константинополя. Надевалась через голову.

– Фляжку, – не ответив, нетерпеливо повторил тот, протягивая руку. – А ты, Родион, если будет все удачно под Халкой, пойдешь следующим, в Нумера<sup>11</sup>.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь, затем откупорил фляжку, легонько пригубил из нее, плеснул немного прямо себе на грудь и двинулся вперед.

Бронзовые ворота, открывающие дорогу в комплекс палат Большого императорского дворца, которые именовались Халкой, только назывались воротами. На самом деле они представляли собой большую прямоугольную залу с колоннами и аркадами под куполом. Мраморные стены залы были щедро украшены разноцветными мозаиками, изображавшими победы императора Юстиниана I<sup>12</sup>, а посередине мраморного пола возвышался так называемый порфирный пуп – символ того, что византийская столица находилась в самой середине мира.

Здесь же, вдоль стен, были размещены статуи императоров, царских родственников и полководцев. Впрочем, ряд плит был уже расколот, у одних статуй не хватало ушей, у других – носа, у кого-то был стесан подбородок, а у самой ближней ко входу недоставало половины белоснежных кудрей.

И уж совсем чужеродным элементом среди всей этой былой роскоши красовались грубо воткнутые в стены и ярко полыхающие факелы, щедро покрывающие черной копотью две нарядные цветные фрески, размещенные ближе к потолку.

Возле одного из светильников лениво сидел воин, небрежно прислонивший к стене свою алебарду. Возле него в такой же ленивой позе стоял другой. Увесистая секира служила ему подпоркой. При виде фигуры, выступившей из темноты, оба насторожились, а сидящий резво вскочил на ноги.

– Wer da?<sup>13</sup> – прорычал вскочивший.

– Да заплутал я маленько, – заплетающимся голосом пробормотал человек и пьяно пошатнулся, едва не упав, отчего содержимое фляги, которую он сжимал в руке, едва не выплеснулось.

Караульные принялись, затем переглянулись.

– Was ist das?<sup>14</sup> – вновь сурово произнес вскочивший, но его товарищ, все время пристально смотревший на фляжку, отстранил приятеля в сторону и поманил случайного гостя к себе:

– Herum, herum<sup>15</sup>.

Язык жестов – самый интернациональный, так что фигура, шатаясь из стороны в сторону, послушно двинулась вперед, пьяно лепеча:

– И чем это вы тут занимаетесь, братцы? А я тут, понимаешь, иду и вижу – вы стоите...

– Ich verstehe nicht<sup>16</sup>, – нахмурился более суровый из стражников и вопросительно повернулся к товарищу.

– Got verdamme mich<sup>17</sup>, – расплылся в улыбке тот, что манил к себе пьяницу. Ноздри его возбужденно раздувались от манящего запаха, сочащегося из фляжки.

---

<sup>11</sup> Нумера – часть дворца, располагавшаяся, если смотреть на дворец с площади Августеона, слева от Халки, то есть восточнее. Называлась так потому, что в ней располагалась казарма отборных воинских частей, именовавшихся нумерами. Последнее означает, что в каждом помещении некогда размещались воины одной нумерии, конного подразделения византийской армии, насчитывающего в своем составе к XIII веку примерно 50 человек.

<sup>12</sup> Юстиниан I (482—565) – византийский император с 527 года. Завоевал Северную Африку, Сицилию, Италию и часть Испании.

<sup>13</sup> Wer da? – Кто там? (Нем.).

<sup>14</sup> Was ist das? – В чем дело? (Нем.).

<sup>15</sup> Herum, herum – Сюда, сюда (нем.).

<sup>16</sup> Ich verstehe nicht – Не понимаю (нем.).

<sup>17</sup> Got verdamme mich – Будь я проклят (нем.).

– А может, выпьем? – предложил пьяный и, подойдя вплотную к стражникам, протянул им фляжку. Глупая наивная улыбка на совсем юном мальчишечьем лице окончательно успокоила стражников, а аромат, продолжавший щедрыми волнами исходить из посуды, окончательно ввел их в благодушное настроение.

– О-о-о! – оценил первый, приложившись, и с некоторым сожалением протянул фляжку второму.

Пьяный ромей тем временем двинулся дальше, все так же бессмысленно улыбаясь.

– Эй, эй, – ухватил его один из стражников за рукав саккоса.

– А чего? Нельзя, что ли? – шмыгнул носом пьяница, упрямо стремясь вперед.

– Gehe zum teufel!<sup>18</sup> – довольно-таки благодушным тоном произнес стражник, удерживавший его за рукав.

К этому времени они оба были повернуты спиной ко входу и не увидели две черные тени, стремительно приближающиеся к ним.

Второй открыл было рот, чтобы тоже внести свою скромную лепту в благое пожелание своего товарища и пояснить, что полная фляга с вином еще не повод, чтоб среди ночи лезть в Большой императорский дворец, но черные тени за их спинами так и не дали ему договорить.

– Der teufel!<sup>19</sup>, – только и успел прохрипеть еле слышно один из них.

– Обоих в уголок, – вытирая со лба пот, указал на пьянчуг протрезвевший Торопыга и благодушно махнул рукой, глядя на Родиона, умоляюще уставившегося на него. – Раз обещал, значит, так тому и быть. Давай, – и он кивнул в сторону перехода, ведущего в палаты номеров.

Единственная заминка получилась с самими казармами. Ни в Нумерах, ни у Халки дверей практически не имелось, и заблокировать отдохавшую стражу возможности не было. Забрать у нее оружие тоже не представлялось возможным, так что пришлось оставить здесь на страже по десятку подоспевших спецназовцев, которые зорко караулили, как бы кто из спящих невзначай не проснулся раньше времени и не поднял тревогу.

Остальные же тем временем бодро и сноровисто брали под охрану палату за палатой, выставляя своих караульных чуть ли не на каждом переходе. Блокировав Магнавру, чтобы никто не смог ускользнуть через нее в храм Святой Софии<sup>20</sup>, а также Дафну вместе с Сакеллой и Кентинарием<sup>21</sup>, на всякий случай выставив часовых даже в ХрисотрикLINE, Трибунале девятнадцати лож, Багряной и прочих палатах, Вячеслав с оставшимися в его распоряжении тремя сотнями воинов и пятью десятками спецназовцев двинулся к Вуколеонту<sup>22</sup>.

– Главное – не расслабляться, – бурчал себе под нос верховный воевода. – Не бывает, чтобы все прошло так гладко и чисто. Где-то обязательно кроется заковыка.

Но этой самой заковыки так и не обнаружилось. Часовых на стенах, примыкавших к дворцу, спецназовцы сняли точно так же аккуратно, как и всю стражу до этого. Небольшая заминка произошла лишь в самом конце, когда в огромном фонаре Фароса<sup>23</sup> не обнаружи-

<sup>18</sup> Gehe zum teufel – Иди к черту (нем.).

<sup>19</sup> Der teufel – дьявол (нем.).

<sup>20</sup> Палаты, носящие название Магнавра, были соединены закрытыми переходами с храмом Святой Софии, что позволяло императору проходить на богослужения, минуя площадь Августеона.

<sup>21</sup> Дафна – название западных палат центральной части дворца. Переходами соединялись с Сакеллой – административными помещениями (казнохранилище и т. д.) и с Кентинарием – высокой башней, прикрывавшей вход в Большой дворец со стороны ипподрома.

<sup>22</sup> Вуколеонт – еще один комплекс палат, размещенный в юго-западном углу дворцового комплекса, почти у самого моря. Дальше находились только крепостные стены и специальная дворцовая пристань с двойным молотом. Само название этих палат произносилось по-разному (Буколеон, Вуколеон и т. д.), но автор исходил из пояснения известного советского историка А. П. Каждана, считающего, что название происходило с от мраморной статуи – льва, терзающего быка, расположенной рядом с этим комплексом.

<sup>23</sup> Так императоры Византии, явно подражая названию знаменитого маяка в Александрии, именовали свою высокую

лось ни капли масла. Но и эту задачку, хоть и не сразу, они разрешили – и масло удалось найти, и фонарь поджечь, и сигналы дать.

Словом, к трем часам ночи первая из ладей уже причаливала к дворцовой пристани, воины легко взбирались по непривычно гладким и ровным мраморным ступенькам наверх и сотня за сотней выстраивались прямо на Циканистрие<sup>24</sup>.

Часть из них была немедленно отправлена на подмену спецназовцев, продолжавших караулить безмятежно спящих крестоносцев, а остальные, ведомые все теми же черными тенями, неслышно скользившими в трех-четыре десятках метрах впереди небольших отрядов, уходили напрямик через Халку в город. Крепостные стены пока еще далеко не целиком принадлежали русичам, и это упущение надлежало срочно исправить.

К сожалению, при утреннем свете осуществлять захват стало намного труднее. Кое-где не обошлось и без крови. Впрочем, общие потери составили все равно совершенно ничтожную цифру – восемь раненых и двое убитых. Сказывалась не только неожиданность, но и индивидуальное мастерство русичей, помноженное на отвагу и уверенность в своей правоте. Они пришли как освободители, а это значило, что бог на их стороне.

К утру власть почти полностью поменялась, хотя и не до конца. Те рыцари, что жили в самом городе, до сих пор ничего не знали, равно как и высшее руководство крестоносцев, продолжающее видеть последние безмятежные и сладкие утренние сны.

«Конечно, до абсолютного результата, как Костя говорил, я немного не дотянул, – вспомнил Вячеслав рассказ друга о том, что рыцари не потеряли при штурме Царьграда ни одного человека. – Но и это тоже недурственно».

Последнее и, пожалуй, самое неприятное Вячеслав оставил напоследок. В казармах по-прежнему находилось несколько сотен рыцарей. Пока они спали, но стоит кому-то проснуться, как... Об этом даже и думать не хотелось. Воевода вытащил из своей дорожной сумки увесистую гранату, задумчиво взвесил ее на руке и вновь заколебался – пускать ее в ход сразу или для начала предложить сдаться.

Его раздумья прервал встревоженный сотник, дежуривший у входа в Нумера. Крестоносцы, спавшие там, уже пробудились.

– Сдаться предлагали? – спросил Вячеслав.

– Куда там, – махнул рукой сотник. – Лезут, проклятые, прямо на мечи. У меня там пять десятков, и то еле сдерживают. Как бы не прорвались, – усомнился он. – Их там все-таки не менее трех сотен.

– Что ж, раз отказались сдаться, – пожал плечами воевода и решительно тряхнул головой. – Значит, они сами выбрали свою судьбу. Думаю, что десяток гранат для вразумления им хватит. – И, обернувшись назад, окликнул дружинника, терпеливо ожидавшего чуть поодаль:

– Кремень! Бери свою пятерку и... давай! – Воевода выразительно кивнул в сторону Нумеров.

– А с этими как быть? – поинтересовался второй сотник, отвечавший за Халку. – Они тоже, того и гляди, проснутся.

– Сдаться ты им все же предложи. Или... Что скажешь, Любим? – спросил он молодого дружинника, стоящего поблизости. – Ты же целых три дня ходил близ них. Сдадутся они или как?

– Наверяд ли, – покачал тот головой. – Уж больно они надменны. Таких твердокаменных вразумлять долго надо.

---

террасу, с которой особые стражи-диетарии светили фонарем, при необходимости подавая огневые и дымовые сигналы – своего рода протоазбука Морзе.

<sup>24</sup> Циканистрий – поле для игры в мяч, расположенное к востоку от основного комплекса дворцовых помещений.

– У нас на это времени нет, – буркнул Вячеслав. – А мне жизнь одного нашего русича дороже тысячи этих тупоголовых. Мокша!

Невысокий темноволосый воин вырос перед воеводой и застыл в молчаливом ожидании приказа.

– Бери свою пятерку и действуй, – распорядился Вячеслав.

– А может, предложить сдаться? Вдруг согласятся, – неуверенно предложил тот и с упреком посмотрел на Любима. – Попробовать-то недолго. Чай, они тоже живые. Хоть и не по-нашему, а все же в Христа и богородицу веруют.

– Они варвары, и за душой у них ничего святого нет. Одна нажива и в глазах и в сердце, – поучительно ответил Вячеслав. – А христианами они себя лишь называют. На деле же такие мерзости творят, что и не всякий язычник решится... – Он вздохнул и махнул рукой.

– А чего они делали-то? – не унимался жалостливый Мокша.

Воевода в глубине души тут же пожалел, что не провел соответствующую политбеседу, беззвучно выругался и стал мучительно припоминать все то, что ему рассказывал Константин.

Впрочем, услужливая память не подвела, и уже через несколько секунд он уверенно продолжил:

– Сами помыслите, разве может истинный христианин в храме Софии у святых на иконах глаза выкалывать, если видит, что туда лалы или иные самоцветы вставлены? Вдобавок, они еще и своих лошадей в божьи храмы заводили, если чувствовали, что самим награбленное не вынести. – Он внимательно посмотрел на сотника и добавил для вящей убедительности: – И женщин прямо там внутри насиловали.

– В самой Софии? – зло сузил глаза молодой сотник.

– И в ней, и в храме Христа Пантократора, и в церкви Святых Сергия и Вакха... Словом, везде, – подытожил воевода.

– Я все понял, Вячеслав Михалыч, – кивнул Мокша.

– Ну вот и славно. А кто в живых останется, тех вязать и в подвалы, – добавил воевода и усмехнулся. – Это они хорошо придумали – тюрьмы прямо под казармами устраивать. Очень удобно, особенно на случай переворота, – он вздохнул и медленно побрел в сторону Вуколеонта – навалившаяся усталость вкупе с бессонной ночью давала о себе знать. – Сейчас бы поспать немного. Ах, да, – вспомнил он еще об одном деле, на сей раз не столь неприятном. – Николка! Панин! – окликнул Вячеслав довольно улыбающегося Торопыгу. – Давай-ка ты вместе с Филидором буди всю оставшуюся компанию вместе с их духовенством и запихивай всех кучей в одно место.

– Тоже в подвалы? – уточнил Торопыга.

– Да нет. Туда не надо бы. Все ж таки начальство, – протянул насмешливо воевода. – А еще что-нибудь имеется на примете?

– Тогда можно в саккеларий, где казна должна была храниться, – предложил Николка.

– А что, там уже ничего нет? – удивился Вячеслав. – Вроде на наших ребят непохоже.

– Так там почти ничего и не было, – пояснил Торопыга. – В одной только светлице небольшая кучка серебра прямо посередке лежит, да еще всякая всячина в углу навалена. Тарели гнутые, кувшины мятые да прочее, а остальные светелки и вовсе пусты.

– Вот тати! – почти восхищенно заметил Вячеслав и добавил с некоторым раздражением: – А ведь Иоанн не поверит, что мы себе ни одной монеты не прихватили. Ну и ладно, – он махнул рукой и откровенно зевнул. – Я передохну малость вместе с отцом Мефодием. Найдется тут местечко для нас с ним или как?

– Найдется, – беззаботно улыбнулся Торопыга. – Сейчас мои вои вас отведут.

– Вот и славно, – кивнул воевода. – К полудню вели им меня разбудить – раньше ни к чему, а сам отправляйся прямо сейчас к Иоанну Дуке. Поспишь в ладье. Передашь ему, чтобы он...

Инструктаж Торопыги длился недолго, основное ему должен был передать Изибор Березовый меч, который оставался при пяти сотнях, назначенных в помощь Ватацису.

– Все понял? – строго спросил Вячеслав, закончив говорить.

– Передам, – твердо заверил Николка. – Как ты сказал, все слово в слово скажу.

– Ну, удачи, – напутственно хлопнул его по плечу воевода и побрел отдыхать, продолжая покачивать головой и не переставая удивляться тому, что первая часть задачи, которая казалась им с Константином наиболее сложной в исполнении, то есть захват самого города и изгнание оттуда западных рыцарей, прошла настолько легко и просто.

«Интересно, а вещей Олег, после того как он на царьградские ворота щит свой присобачил, тоже спать завалился или как?» – лениво размышлял Вячеслав, бредя следом за спецом к своей постели.

Он тогда еще и думать не думал, что вторая часть, простая и легкая, по сути – обычная формальность, таковой на деле как раз не будет. Не знал воевода и того, что только чудо поможет им с митрополитом остаться в живых, что... Словом, он еще ничегошеньки не знал, а потому сон его в это весеннее утро был по-детски сладким и безмятежным.

Но гонец – венецианец Лючано, прибывший в стан крестоносцев, всех этих подробностей ведать не ведал, разбуженный поутру громкими воплями константинопольской черни, в упоении ревавшей «Ника!» да еще «Бей!». Как ему удалось ускользнуть от десятка бродяг, вломившихся в дом, он не сумел бы объяснить при всем желании.

Скорее всего, его спасло то, что впопыхах он не успел прихватить ничего из оружия, а смуглое лицо с чернявыми волосами, типичное для обычного венецианца, помогло этому человеку смешаться с толпой, ничем не выделяясь среди уличной голытьбы.

Таких счастливиц, как этот Лючано, оказалось не столь уж много, и все они, переправившись через Золотой Рог, вскоре собрались в северном предместье Константинополя Галате – оплоте венецианцев, готовясь отбиваться от неведомых врагов и, если придется, дорого заставить заплатить за свою жизнь.

Лючано и еще трех человек из числа очевидцев было решено немедленно отправить к войску императора Роберта, чтобы предупредить его о случившемся и объединенными силами попробовать сразу же отбить город. Прибыли они в лагерь крестоносцев без помех.

Выслушав гонцов, руководство войска после недолгого совещания, в котором сам император Роберт практически не принимал участия, пришло к выводу, что наиболее разумно предложение самого старейшего и опытного в военном деле Гуго Шампаньского, который настаивал на немедленном возвращении. К нему присоединился и молодой, но уже искушенный в военном деле, к тому же весьма именитый Рожер Прованский – внук самого короля Арагона Альфонса П.

Однако едва они стали собираться в обратный путь, решив временно оставить Никомедию и прочие владения в Малой Азии на произвол судьбы, как на них налетели катафрактарии Иоанна Ватациса, воодушевленные вестью об освобождении Константинополя.

Торопыга прибыл на сутки раньше Лючано, но встретился с Иоанном тайно. Поначалу Ватацис хотел было немедленно сообщить радостную весть своим воинам, но Николке, невзирая на молодость, удалось удержать Дуку, ссылаясь на воеводу Вячеслава.

Словом, весь следующий день зять императора Феодора нетерпеливо ожидал, когда крестоносцы получат печальные новости, согласившись с гонцом, что воин, расстроенный грустными вестями, наполовину, если не больше, теряет силу, а потому торопиться с атакой ни к чему.

Тем временем Николка отрядил в разведку всех своих пятерых спецназовцев, прибывших вместе с ним, которые не только заметили прибытие гонца из Константинополя, но и сразу определили, что в лагере крестоносцев начались спешные сборы в обратный путь.

Едва Иоанн получил долгожданную весть, развязывавшую ему руки, как немедленно сообщил о взятии Константинополя всему своему войску. Именно потому атака ликующей армии никейской империи, на четверть усиленной русскими дружинниками, нанесшими разящий удар с левого фланга, оказалась неотразимой.

Собирающийся отступить воин, будь он хоть трижды неустрашимым рыцарем, не имеет воли к победе. Не до нее. Отбиться бы да самому уцелеть. Вот почему отступление в большинстве случаев очень быстро переходит в панику. А если толком неизвестно, куда именно отступить, то тут уж об организованном сопротивлении говорить и вовсе не приходится.

До Боспора добралась едва ли десятая часть тех, кто всего несколько дней назад горделиво выступил в поход под знаменами юного императора Роберта. Это не были самые отважные воины. Об измученных всадниках, которых угрюмые венецианские гребцы везли в Галату, можно было твердо сказать только одно – у них оказались самые резвые и выносливые кони.

У Гуго Шампаньского и Рожера Прованского лошади были не хуже, но рыцари, верные своей вассальной присяге, полегли в первый же день, прикрывая с небольшими отрядами отступление своего сюзерена.

Впрочем, их героизм оказался напрасным. Когда до Боспора было подать рукой, белый конь императора на всем скаку споткнулся, угодив передней левой ногой в небольшую малоприметную ямку. Роберт слыл неплохим наездником, но это был не его день. Перелетев через конскую голову, он сломал ногу и, будучи не в силах увернуться, мог только в горестном оцепенении наблюдать, как летит прямо на него, стремительно увеличиваясь в своих размерах, огромное конское копыто, зловеще поблескивая тяжелой железной подковой.

*– Да нет, – повторил воевода уже более уверенно. – В ту ночь как раз особых приключений и не было. Все прошло без сучка и задоринки. Прямо как по маслу. Задоринки потом пошли. Вместе с сучками.*

## Глава 2

### Первый меч империи

– Ты имеешь в виду ожидание? – уточнил Константин. – Или то, как вы с Иоанном нагнали на всех ужасу? – Он весело улыбнулся.

– Да какой там ужас, – досадливо отмахнулся Вячеслав. – Хотя и впрямь было что вспомнить. – Он тоже, в свою очередь, улыбнулся. – А как иначе я мог выполнить твой заказ? Тут не то что в эти, как их там?..

– Логофеты<sup>25</sup>, – подсказал Константин.

– Во-во, в они самые податься. К тому же ему там и впрямь несладко пришлось, а мы все равно без дела сидели.

Подробности гибели бывшего императора бывшей Латинской империи Вячеслав узнал через несколько дней из доклада того же Торопыги, но отнесся довольно-таки равнодушно и к смерти Роберта, и к окончательному разгрому крестоносного войска тоже. А вот весть о том, что Иоанн немедленно послал в Никею гонцов и, отпуская Николку, заверил его в том, что через неделю, самое долгое – полторы, патриарх Герман прибудет, была как бальзам на раны.

Владыка Константинопольской епархии прибыл только через двадцать два дня и привез весточку о том, что божественный властитель величайшей империи мира, вся территория которой умещалась в одном Муромском княжестве, император Феодор Ласкарис скончался. Вячеслав так и не понял, плоха или хороша эта новость для него самого и для его людей.

Но она в его глазах тут же померкла, потому что почти одновременно с нею он получил и ворох вестей из Руси. Рязанский купец, прибывший в Константинополь, сообщал, что в Киеве появился половецкий хан Котян с просьбой заступиться за него перед страшным племенем, прибывшим неведомо откуда и дочиста разграбившим его кочевки и даже зимнее стойбище в Шарукани.

То есть получалось, что вся подготовка пошла псу под хвост, потому что случилось то, о чем он, Вячеслав, так настойчиво предупреждал Константина. Теперь же оказывалось, что, когда пришел час самых решительных испытаний, они – за исключением добросовестного Миньки – оказались неведомо где. Кто штурмует какую-то дрянную Ригу, будто этот хлипкий грязный городишко нельзя было взять на следующий год, а кто и вовсе уплыл аж в Царьград.

И ведь новости-то на этом не кончались. Оказывается, стоило ему оставить Константина всего на недельку без присмотра, как он тут же ухитрился получить чуть ли не смертельную рану в грудь, и что теперь делать – вовсе непонятно.

Именно поэтому Вячеслав, охваченный тяжкими думами, сквозь пальцы посмотрел на униженную просьбу константинопольского патриарха Германа о том, чтобы позволить Иоанну Ватацису прибыть в Константинополь для участия в торжественной церемонии захоронения императора Феодора еще до церемонии возведения отца Мефодия в сан патриарха всея Руси.

Слова Константина о том, что императора Византийской империи должны встречать у Золотых ворот два патриарха – Герман II и Мефодий I, напрочь выскочили у него из головы.

---

<sup>25</sup> Логофет – название руководителей важнейших ведомств Византийской империи. Военный логофет руководил армией, логофет дрома ведал «министерством» внешних отношений и государственной почты, логофет геникона – казначейством и т. д.

У Германа же на уме было совсем иное, и эта оттяжка времени стала первым, но далеко не последним звеном в его хитроумном замысле, суть которого заключалась в том, чтобы поставить в Киеве обычного митрополита, и, желательно, не столь близкого к Константину, как Мефодий. Уж больно тот склонен во всем, буквально во всем, оправдывать своего князя.

Не следует думать, что Герман был столь злокозненным человеком. Поначалу, когда он еще занимал пост хартофилакса<sup>26</sup>, он был искренне убежден в том, что уния, заключенная с римским престолом в обмен на поддержку и помощь латинян, окажется благом для империи.

Будущий патриарх не был слепцом и прекрасно видел, что никейским императорам – ни ушедшему из жизни Феодору, ни молодому энергичному Иоанну – навряд ли удастся вернуть себе Константинополь. Иными словами, он был сторонником унии поневоле, так как не видел иной возможности овладеть бывшей столицей Византийской империи.

Теперь же, после того как русичи сотворили почти невозможное, надобность в этом противоестественном союзе отпала, и он стал яростным и вполне искренним противником какого-либо объединения.

А между тем константинопольские купцы, прибывшие из Киева, доносили, что рязанский князь теперь находится в порубе, и заключили его туда князя не из черной зависти, хотя и она, вне всякого сомнения, сыграла свою роль. Тем не менее главное, что ему вменяли в вину, – это тайное сношение с римским папой.

И судя по тому, что в качестве вещественного доказательства были предъявлены некие грамотки, обвинение не являлось огульным. Получалось, что какие-то переговоры между Константином и Гонорием III действительно велись.

Тем более что нынешний владыка всех западных христиан по своему характеру был вполне способен пойти на такие жертвы, как изгнание из Прибалтики рижского епископа вместе с немецкими рыцарями-крестоносцами, а заодно и с датчанами. Пойти для того, чтобы позже наложить свою тяжелую длань на такую великую необъятную страну, как Русь.

Не случайно сам Гонорий на протяжении всех долгих лет был не просто ближайшим сотрудником Иннокентия III, но и держал в своей цепкой руке все доходы папского престола. Да что там, достаточно только прочесть его «Книгу влияния Римской церкви», и любому сразу станет понятно, что нынешний римский папа не просто отменно разбирается в экономике и финансах – он в них дока, каких мало. К тому же самому Герману, в отличие от самозванца, дерзновенно называющего себя наместником Иисуса<sup>27</sup>, соблазнить русича было совершенно нечем. Единственное, что могло сейчас представлять для рязанца интерес, – это корона, но о ней и заикаться-то не след. Будущий император Иоанн III Дука Ватацис никогда не пойдет на то, чтобы увенчать чело русского князя царской диадемой.

Так что теперь поневоле приходилось задумываться не только над тем, куда повернет Константин свои войска, если вдруг решится окончательно перейти в веру латинян. Тут следовало поразмыслить и над поиском такого человека из числа священнослужителей, чтобы он сумел возглавить сопротивление кощунственным замыслам великого князя.

И человек этот, что весьма важно, ни в коем случае не должен быть патриархом, а лишь митрополитом, то есть лицом, подчиняющимся духовному владыке Константинополя. Вдобавок к этому он также не должен был быть близок к Константину. То есть Мефодий не подходил ни в коей мере. Как ни крути, а его не то что в патриархи ставить, а и митрополитом

---

<sup>26</sup> Хартофилакс – должностное лицо, заведовавшее в канцелярии Константинопольского патриарха всем делопроизводством, администрацией и судами. Он не только расследовал дела еретиков, но и имел право определять им наказание и выносить приговор. Был приравнен к епископу, избирал и представлял к поставлению всех пресвитеров, диаконов и т. д. Его должность была самой важной и почетной из всех. Не случайно хартофилакса называли устами и оком патриарха.

<sup>27</sup> Вначале римские епископы, а потом – папы называли себя наместниками апостола Петра, а затем, как раз в начале XIII века, энергичному и властному Иннокентию III (1198–1216) этого показалось мало, и он ввел в свой титул иное наименование – наместник Христа.

нельзя утверждать, тем более что вопрос с еретическими книгами, которые он якобы приобретал для своего князя, остается открытым.

Это ведь как надо любить человека, чтобы приобретать такие кощунственные труды, которые сами по себе есть весомое доказательство того, что рязанский князь не больно-то силен в вере и запросто может отшатнуться от православия, если почувствует осязаемую выгоду от того, что станет католиком.

Да и вообще, с самой первой встречи с Мефодием, прибывшим в Никею на поставление в сан епископа Рязанского и Муромского, глухая волна неприязни, поднявшаяся в душе Германа при виде этого русича, так в нем и не утихла. Его раздражало в этом человеке все – готовность выслушать и попытаться понять всех и каждого, его доброта, его любовь к родине, не говоря уж о любви к людям и вообще ко всякой живой твари.

Взять, например, того щенка, которого русич невесть где подобрал и любовно за ним ухаживал. Ну что это за блажь – священнослужитель, собирающийся в ближайшем будущем стать не только митрополитом, но и патриархом, идет в церковь, а у его правой ноги мерно вышагивает эдакая здоровенная псина!

Правда, псина серовато-коричневого цвета была достаточно умной и не заходила даже за церковную ограду, не говоря уж о том, чтобы податься на богослужение в храм. Вместо этого Упрямец, целиком оправдывая свое прозвище, ложился в густой траве близ калитки и терпеливо ждал появления хозяина.

Да и облаивать кого-либо он тоже не любил, предпочитая помалкивать. Лишь когда осмелевшие дети позволяли себе чрезмерную, на его взгляд, вольность в обращении с ним, Упрямец издавал низкий глухой рык и слегка оскаливал зубы. Как правило, этого хватало. Словом, пес вел себя в высшей степени тактично.

Тем не менее Герман терпеть его не мог. То ли он перенес на него часть своей патологической нелюбви к его хозяину, то ли сказывалась его паническая боязнь собак вообще, даже самых мелких, берущая начало в далеком детстве. Тогда его, совсем еще сопливого мальчишку, во дворе одного из богатых константинопольских вельмож окружила целая свора.

Поначалу они только гавкали, но потом, осмелев, стали смыкать кольцо, а затем самая наглая тварь вцепилась ему острыми зубами в голую икру. За ней вторая, третья... А сам вельможа, наблюдая эту картину со своего высокого крыльца, только залиvisto хохотал, наслаждаясь мучениями босоногого мальчика.

Герман помнил все так ярко, будто это произошло с ним накануне. Позже, когда он уже достиг чина хартофилакса, с вельможей удалось поквитаться. Совершенно случайно выяснилось, что и он сам, и его сын – злокозненные тайные еретики. Но картина из детства даже после свершившейся мести ничуть не потускнела.

И теперь, оттягивая время, он надеялся, что придет час, когда изменчивая чернь поднимет мятеж, на этот раз против своих освободителей, и в связи с возникновением угрозы для жизни русичей придется немедленно отправить их обратно к себе. Тогда вопрос с патриаршеством на Руси можно будет, не отвергая его, отложить на столь длительное время, чтобы он при Германе больше не поднимался.

А еще лучше было бы, чтобы они отплыли сами. Особенно воевода, который не больно-то силен в православной вере. С этой целью, притворившись искренне озабоченным положением дел на Руси, Герман выдавал Вячеславу на-гора все самые свежие новости из родных мест.

Разумеется, при этом предполагалось выбирать только скверные, но особого труда это не составляло – хороших и впрямь не приходило. Все сообщения были в той или иной степени неприятны, а некоторые просто побуждали Вячеслава немедленно садиться в ладью и срочно отчаливать, держа курс на север. Однако русский воевода, может быть, и стремился

всей душой туда, к северным берегам Понта Эвксинского, но все равно продолжал оставаться в Константинополе.

Что только не делал Герман, пытаясь подтолкнуть Вячеслава к отъезду. Он так красочно описывал страдания князя Константина, заключенного в тесное и душное узилище, что чуть сам не прослезился. Кроме этого, он заявил воеводе о том, что возвести Мефодия возможно только при наличии как минимум еще одного – помимо самого Германа – патриарха, а это долгая история.

– Дело в том, что дороги в наше время чрезвычайно опасны, так что привезти патриарха Александрийского весьма затруднительно. Вы же слышали, какие ожесточенные войны ведут сейчас крестоносцы с египетским султаном. Разумеется, за ним уже послан корабль, но когда судно вернется, да и вернется ли вообще, – неизвестно. К тому же может статься, что на его борту патриарха Николая I все равно не будет. Навряд ли он согласится оставить свою паству в такое тревожное для нее время. Повелеть же ему у меня прав нет.

– А как насчет патриархов Иерусалимского или Антиохийского? – проявил осведомленность русич.

– Увы, – развел руками Герман. – Беда в том, что ни в Антиохии, после смерти Дорофея, ни в Иерусалиме, после того как скончался Евфимий II, патриархов нет вовсе. Их еще надобно избрать, а это дело в самом лучшем случае продлится несколько месяцев, – разливался он соловьем. – Твои храбрые воины смогут не один, а даже два раза добраться до Руси и вернуться обратно, и все равно они поспеют в Константинополь раньше, чем эти выборы состоятся.

– А почему так долго? – простодушно удивился Вячеслав.

– Да разве это долго?! – всплеснул руками Герман. – Бывали времена, когда эти кафедры «вдовели» десятки лет. А кстати, – тут же менял он тему разговора. – Вы ничего нового не слышали о татарах? Говорят, это проклятое племя, которое было некогда заключено в подземную темницу самим вседержителем, по-прежнему гуляет на южных рубежах Руси. Неужто в отсутствие Константина среди русских князей не найдется ни одного, который сумел бы их сплотить? Что думает по этому поводу великий военный логофет и протоспафарий<sup>28</sup> русичей?

– За логофета и протоспафария ничего не скажу, потому как не знаю, что они думают, а княжеский воевода Вячеслав очень хотел бы сейчас оказаться на Руси, чтобы собрать все войска, какие только можно, и дать бой, – хмуро, но искренне отвечал тот.

– Вы и впрямь считаете, что, оказавшись там, сумели бы одолеть это кару господню? – вновь вежливо спрашивал отец Герман.

– Если бы мы решили вопрос с патриаршеством отца Мефодия, то я бы вам доказал это на деле, – мрачно цедил сквозь зубы Вячеслав, кляня на все лады этого невысокого чернявого человека в скромной монашеской рясе.

Знай он, что патриарх не врет, – уехал бы немедленно, но Константин, перед тем как они расстались, четко проинструктировал друга, что верить этому святому отцу нельзя ни на грош. Выполнять то, что обещал Иоанн Ватацис, ему совершенно невыгодно, а потому он будет всячески юлить и оттягивать время. К тому же воевода дал Константину слово, что ни за что не оставит отца Мефодия один на один с Германом – все может произойти. В последнем Вячеслав особенно ясно уверился именно сейчас. Ох, неспроста патриарх так старательно разжигал в нем страсть к отъезду.

Между тем траур закончился, и тело покойного императора, щедро набальзамированное и умащенное благовониями, давно с почестями поместили в церкви Христа Пантокра-

---

<sup>28</sup> Протоспафарий – буквально переводится «первый меч» и означает начальника над всеми телохранителями византийского императора.

тора, по соседству со знаменитыми императорами прошлых лет – Константином Великим, Юлианом, Феодосием, Аркадием и другими.

Правда, все они возлежали в каменных саркофагах из порфира, а последнее пристанище Феодора было изготовлено из дерева, но купцам уже сделали заказ на большую порфирную глыбу, и можно было надеяться, что не пройдет и года, как он станет таким же равноправным членом в этой молчаливой компании великих мертвецов.

В храме Святой Софии пышно отслужили не только весенний Николин день, но и рождество Иоанна Предтечи<sup>29</sup>. Тем временем над Константинополем продолжали медленно сгущаться черные грозовые тучи. Братьям покойного императора, севастократорам<sup>30</sup> Алексею и Исааку<sup>31</sup> было весьма не по душе воцарение зятя императора. Тем более что сейчас пришло самое подходящее время для его смещения, поскольку Ватацис официально еще не короновался, так что их действия, следуя строгой букве закона, даже нельзя будет назвать мятежом, пока в Константинополе есть правитель, но нет императора. Да и правит-то он лишь благодаря острым мечам чужаков-скифов.

Действительно, рассуждали они между собой, никогда гордая столица Византии не преклонит колен перед варварами. Более того, дело казалось им настолько выигрышным, а успех столь очевидным, что они, одолев в мыслях своего наглого зятя, с подозрением стали поглядывать и друг на друга. Не попытается ли любезный братец прибрать всю власть в свои руки?

Какое-то время у них ушло на поиск союзников и сбор войска. К концу мая Иоанн Ватацис получил первое известие о том, что армия числом не менее двадцати тысяч идет на него со стороны Адрианополя. В основном это были отряды эпирского деспота Феодора, незаконнорожденного сына Константина Ангела, брата императора Византии Исаака.

За последние семь лет Феодор успел истребить армию Пьера де Куртнэ, отца императора Роберта, завоевал всю Фессалию и Македонию, а также Адрианополь и Фракию вплоть до самого Черного моря. Более того, всего за полгода до взятия русичами Константинополя он захватил Фессалоники<sup>32</sup>, второй по значимости город империи, и тут же решил возложить на свою голову корону императора Византии.

Солунский митрополит уклонился от этого, не желая нарушать прав Константинопольского патриарха, венчавшего на царство Феодора I Ласкариса. Однако автокефальный<sup>33</sup> архиепископ города Охриды и «всей Болгарии» Димитрий Хоматин, ничем не связанный с патриархом, рассудив, что из Фессалоник гораздо ближе до Константинополя, чем из Nikeи, торжественно короновал его.

Теперь, когда желанная цель казалась совсем близка, Феодор, уже облекшийся в порфиру и красные башмаки – символы императорской власти, не собирался отдавать трон Иоанну Ватацису. Уверенный в том, что корона его, он охотно откликнулся на просьбы братьев покойного Ласкаря, которым тоже не думал уступать, и двинул войска на Константинополь. По пути он даже свои хрисовулы<sup>34</sup> подписывал не иначе как полным титулом византийского государя: «Феодор во Христе Боге басилевс и автократор ромеев, Дука».

Положение усугублялось еще и тем, что не смирились ни венецианцы, ни остальные латиняне. У императора Роберта в Константинополе оставался малолетний брат Балдуин.

---

<sup>29</sup> Отмечался 24 июня по ст. стилю.

<sup>30</sup> Севастократор – византийский придворный титул, введенный в середине XI века. Комнины жаловали им свою родню и высшую знать.

<sup>31</sup> Родные братья императора Феодора Алексей и Исаак были основными конкурентами Иоанна Дуки Ватациса в борьбе за императорский престол.

<sup>32</sup> На Руси Фессалоники называли Солунь, но автор предпочел ее официальное название.

<sup>33</sup> Автокефальный – независимый.

<sup>34</sup> Хрисовулы – грамоты.

Ватацис не был ни злым, ни кровожадным, и потому он, прислушавшись к уговорам Марии, вдовы императора Феодора, которая доводилась Балдуину и Роберту родной сестрой, отпустил ребенка. Не прошло и месяца, как мальчика сделали своим живым знаменем крестоносцы, изгнанные из Константинополя, к которым добавились остатки венецианцев, выбитых из Галаты.

Почти тут же к ним примкнули многочисленные властители венецианских владений, расположенных в Греции. С острова Лемноса прибыл Новигайози, из Кефолонии и Занте явились братья Орсини, а с Наксоса – герцог Архипелага или Двенадцати островов (Додеканес) Марко Санудо.

Кроме них прибыли и отряды из центральной Эллады. Владельцы четырех крупных бароний, расположенных между Фермопилами и Коринфским перешейком, носившие титулы *grandsire*, справедливо рассудив, что если Дука укрепится в Константинополе, то им тоже несдобровать, выделили каждый кто сколько мог.

Две сотни рыцарей Будоницы возглавляли представители рода Паллавичини, сотню из Сулу привели Строманкуры, а впереди двухсот воинов Эвбеи белогривые кони несли горделивых рыцарей из знатной венецианской фамилии Карчери.

Спустя еще пару недель к ним присоединился глава четвертой баронии – Оттон Ларошский. Властвуя в Афинах и Фивах, он совсем уж было засобирался во Францию, стосковавшись по милому замку во Франш-Конте, но тут решил потряхнуть стариной, выступив против обнаглевших схизматиков.

Причем в Галлиполи, где собрались все эти разрозненные остатки некогда мощной Латинской империи, Оттон прибыл не один. По пути в его войско влился отряд властителя Ахейского княжества Готфрида II Виллардуэна. Учтывая, что последний предусмотрительно прихватил с собой архиепископа-примаса из Патраса и трех из шести епископов, на детское чело срочно возложили императорскую корону.

Жаль только, что новоявленный Балдуин II вел себя не совсем достойно, несколько раз во время торжественной церемонии начинал хныкать, а однажды от неимоверной духоты даже лишился чувств. Все это несколько портило праздник, однако с грехом пополам коронацию все же удалось довести до конца.

Заминка состояла в отсутствии достойного вождя, который должен был бы объединить все разрозненные отряды крестоносцев в единую и могучую силу, поскольку живое знамя – это хорошо, но для победы, помимо идеи, нужен военачальник.

После недолгих колебаний почти все рыцари сошлись на кандидатуре старого, но еще полного сил и весьма энергичного Иоанна Бриенского, который тринадцать лет назад, в возрасте шестидесяти лет, смело повел под венец принцессу Марию, дочь Конрада Монферратского, бывшего Иерусалимским королем. Благодаря этому браку он унаследовал и корону своего покойного тестя.

Правда, сам Иерусалим, да и все королевство еще предстояло завоевать, поскольку к тому времени в руках рыцарей оставалась лишь Финикия со своими приморскими городами, в один из которых – Сен-Жан-д'Акр – и была перенесена столица.

Однако взять Иерусалим крестоносцам не удалось ни в 1210 году, ни через четыре года, когда на помощь им прибыли свежие силы, ведомые венгерским королем Андреем II, герцогом Леопольдом Австрийским<sup>35</sup>, Оттоном Меранским<sup>36</sup> и графом Вильгельмом Голландским<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> Леопольд Австрийский – Леопольд VI Знаменитый (1176–1230), сын Леопольда V, герцог Австрии и Штирии, наследовал своему брату Фридриху I в 1198 г. Последовательно поддерживал династию Гогенштауфенов в борьбе с Вельфами и папством. Участвовал в походе против испанских мавров в 1212 г. и осаде Дамиетты в 1219 г.

<sup>36</sup> Оттон Меранский – Оттон VII фон Андекс, герцог Меранский (1204–1234), наследовал своему отцу Бертольду IV. Граф Бургундский благодаря браку с Беатрисой Гогенштауфенской (с 1208 г.), маркграф Истрии (1215–1230). Брат коро-

Три неудачных похода в Сирию – к Тивериаде, к Фавору и к Бофору – настолько истощили силы новых защитников гроба господня, что венгерский король охладел к этому безнадежному делу и, несмотря на отлучение от церкви Иерусалимским патриархом<sup>38</sup>, оставил Палестину и возвратился в Европу.

Не удалось это сделать и через семь лет. Войско крестоносцев, вместо того чтобы двинуться на святой город, по рекомендации сирийских христиан предпочло заняться осадой Дамиегты, – большого торгового центра, расположенного на восточном берегу одного из рукавов Нила.

Три кольца крепких крепостных стен затянули осаду надолго, и у Иоанна Бриенского вновь появился шанс стать подлинным королем, поскольку старый и вечно хворающий египетский султан ал-Малик ал-Адил I Сайф ад-дин<sup>39</sup> предложил компромиссный вариант. Пусть крестоносцы снимут осаду города, а он возвращает им все Иерусалимское королевство вместе с животворящим крестом господним и прочими христианскими святынями, которые в глазах султана все равно не имели никакой ценности.

Иоанн, да и многие рыцари от такого соблазна начали колебаться, но кардинал Пелагий<sup>40</sup>, бывший папским легатом при войске крестоносцев и величавший себя чуть ли не главнокомандующим, наотрез отказался.

Кто надоумил сирийских христиан посоветовать в первую очередь заняться захватом Дамиегты, осталось невыясненным, равно как и подлинная причина решительного отказа Пелагия от выгодного, хотя и компромиссного решения. Однако, учитывая, что сразу после взятия города в нем тут же утвердились венецианцы, сделав из Дамиегты центр своей торговли с Египтом, догадаться об этом несложно.

Этой весной, почти одновременно с прибытием русских дружин, в Малой Азии высадилась еще одна армия немецких крестоносцев, очередной поход которых был намечен на июль. То есть, избирая Иоанна верховным вождем, рыцари приобретали весьма мощных союзников.

Им было что предложить королю Иерусалимскому, который мог запросто стать если и не императором Латинской империи, то уж, во всяком случае, ее регентом. Для этого достаточно только обвенчать соплыка Балдуина с маленькой дочкой Иоанна Иолантой, тогда ее тесть автоматически получит все законные и неоспоримые права.

С такими заманчивыми, если не сказать больше, предложениями послы венецианцев и рыцарей-крестоносцев и отплыли в Малую Азию.

Все это не могло не тревожить Ватагиса, не забывавшего и про свой непрочный азиатский тыл, который он был вынужден в эти грозные дни оголить чуть ли не полностью. Там, за его спиной, оставались полчища Иконийского султаната<sup>41</sup>. Государство воинствен-

---

левы Франции Агнессы Меранской, второй жены Филиппа II Августа.

<sup>37</sup> Граф Голландский Вильгельм – Вильгельм I (1190—1222), сын Флориса III, умершего во время Третьего крестового похода. Участвовал в сражениях с маврами в Испании, осаждал Дамиегту в 1219 г.

<sup>38</sup> Иерусалимский патриарх – дело в том, что сразу после захвата Иерусалима крестоносцами римский папа немедленно назначил там своего патриарха, игнорируя православного владыку. Так что начиная с 1099 г. в Иерусалиме было сразу два патриарха – латинский и православный. Последним ставленником папы был Николай де Анапис (1288—1291). Короля Андрея отлучал в 1216 г. Рауль де Меранкур (1214—1225).

<sup>39</sup> Ал-Малик ал-Адил I Сайф ад-дин – султан Сирии (1196—1218) и Египта (1200—1218).

<sup>40</sup> Кардинал Пелагий – Пелагий Кальвани (ум. 1240 г.), кардинал с 1206 г., епископ Альбано. Протезе Иннокентия III, который послал его легатом в поход для осады Дамиегты.

<sup>41</sup> В то время там правил Ала-ад-дин Кей-Кубад I (1219—1236). При нем Иконийский (от названия столицы – город Иконий), или, как его еще называли, Румский (от бывшей провинции Византии Румелия) султанат достиг вершин своего могущества.

ных турок-сельджуков к этому времени одной ногой твердо стояло в Средиземном море, удерживая за собой Анталию<sup>42</sup>, а другой – в Черном, владея Синопом.

Иоанн, чувствуя, что его патриарх гнет куда-то не в ту сторону, был по отношению к русичам чрезвычайно заботлив и внимателен, однако вмешиваться в церковные дела не собирався. Во всяком случае – пока. Ему было просто не до того.

К тому же он справедливо рассуждал, что все эти заминки объективно играют на руку ему самому, поскольку очень рассчитывал на русские дружины, которые не уедут отсюда, пока Мефодий не станет патриархом. И не только на них.

Где-то в глубине души он лелеял надежду на то, что удастся оставить у себя Вячеслава, который имел в глазах Ватациса массу плюсов и ни одного минуса, в том числе самого главного – этот человек, приобретя могущество, никогда не попытается узурпировать трон, ибо не связан ни с одной из знатных фамилий, а подкупить его... Попытаться, конечно, можно, но сам Иоанн никогда бы на такое не отважился. Неплохо разбираясь в людях, Ватацис голову дал бы на отсечение, что подобного рода попытка чревата существенным расстройством здоровья, если вообще совместима с жизнью.

Что же касается воинских талантов русского воеводы, то лишь одно ночное взятие Константинополя, да еще с такими ничтожными потерями, говорило само за себя. Но воевода русичей – человек, а не бог и даже не один из его архангелов, поэтому для начала было необходимо облегчить его задачу.

Вот почему сразу после взятия русичами Константинополя Иоанн III, так официально и не увенчав свою голову короной, поскольку честно держал взятое на себя обязательство дожидаться, пока не будет посвящен в патриархи русский митрополит, спешно занялся дипломатической перепиской.

Прекрасно сознавая, что ему не выдержать войны на два фронта, не говоря уж про три, Ватацис поспешил обезопасить свой тыл, то есть договориться с иконийским султаном.

Через сутки после того, как посольство Иоанна III отбыло из Константинополя, направившись к Ала-ад-дин Кей-Кубаду I, от дворцовой пристани ночью, ориентируясь только по огням Фаросского маяка, было тайно отправлено еще одно. На сей раз корабли с лучшими дипломатами, известными императору еще по Никее, проследовали прямо на юг, к египетскому султану.

Задача облегчалась тем, что там сидел уже не старый и немощный ал-Адил I, а его преемник – ал-Камил I<sup>43</sup>. Этот был энергичен и целеустремлен, хотя тоже склонялся к миру, пусть и ценой уступок.

Однако на всякий случай ал-Камил уже списался со своими родичами, благо что родоначальник династии, знаменитый Саладин<sup>44</sup>, взявший власть в Египте, а потом распространивший ее на весь Ближний Восток, незадолго до смерти рассадил родню повсюду, от Дамаска до Йемена, где уселся его родной брат Туг-тегин. Более того, ал-Камил пошел даже на то, что полностью отказался от притязаний на Сирию, которой вместе с Египтом владел его предшественник, уступив ее ал-Муаззаму<sup>45</sup>.

К тому же он и сам не сидел сложа руки. Пока крестоносцы возились с Дамиеттой, он не только собирал войска, но и активизировал работы по возведению новой крепости, перекрывающей рыцарскому воинству путь по Нилу. Будущую крепость ал-Камил высокопарно

---

<sup>42</sup> Ныне город Анталия.

<sup>43</sup> Ал-Малик ал-Камил I Насир ад-дин – султан Египта (1218– 1238).

<sup>44</sup> Саладин – так именовали его в Европе. Происходил из курдского племени хазбани. Был назначен визирем в Египте после смерти своего дяди Ширкуха в 1169 г. Через два года он совершил военный переворот, свергнув власть Фатимидов, тут же признав багдадского халифа ал-Мустади духовным главой. За это ал-Мустади немедленно призвал самого Саладина султаном Египта под именем ал-Малик ан-Насир I Салах ад-дин.

<sup>45</sup> Ал-малик ал-Муаззам Шараф ад-дин – султан Сирии (1218– 1227).

окрестил Мансурой<sup>46</sup> и возлагал на нее немалые надежды, которые еще больше разжигали в нем воинственные вожди мамлюков<sup>47</sup>, как бахридов, так и бурджилов<sup>48</sup>.

В рукаве главы византийского посольства, Никифора, внука знаменитого в эпоху Комнинов Феодора Продрома, был и дополнительный козырь – тайное слово к султану с предсказанием событий этого года, которые ему поведал воевода русичей Вячеслав. Предсказание заключалось в том, что не надо унижаться перед крестоносцами, в очередной раз предлагая им обмен Иерусалимского королевства на Дамиетту. Тем более что они на него все равно не согласятся.

Лучше поступить совершенно иначе, оскорбив Пелагия грубыми требованиями немедленного освобождения захваченного крестоносцами города. Тогда они непременно выступят в поход, чтобы осадить крепость Мансуру, и попадут в ловушку, оказавшись на острове во время разлива Нила. После этого султан сможет отрезать им все пути к отступлению и, в свою очередь, диктовать любые условия, но уже в обмен на сохранение их собственных жизней<sup>49</sup>. А может и не сохранять – как захочет.

Иоанн никогда не решился бы на такое, поскольку достаточно ясно представлял себе, в каком положении он окажется, если предсказание не исполнится. Но все дело в том, что оно было вторым.

А первое, которое уже сбылось, прозвучало из уст русича еще в самые первые дни, когда Вячеслав, осведомившись, чем так озабочен император, и узнав, что супруга Ватациса давно на сносях и должна вот-вот родить, весело хлопнул его по плечу и посоветовал:

– Не бери в голову. Бояться нечего. О том на Руси моему князю и его предсказателю было давно известно. Мальчик у тебя родится.

Дука от таких слов вздрогнул и почему-то сразу поверил. Хотелось верить. Ведь до того Ирина радовала его исключительно девочками, да и то слабенькими, которые на этом свете долго не задерживались.

Вот почему когда через неделю после предсказания русского воеводы прибыл гонец и известил императора о том, что у него родился наследник, Иоанн в первую очередь постарался встретиться с Вячеславом.

Поделившись с ним этой радостной новостью, он робко уточнил:

– А твой... э-э-э... предсказатель случаем не поведал тебе, сын и впрямь унаследует империю после моей смерти или...

Договаривать, а тем паче произносить слово «смерть», ему очень не хотелось.

– Понимаю, – серьезно кивнул воевода. – За его жизнь можешь не волноваться. Во всяком случае, если его окрестит наш митрополит, будучи в сане патриарха, то тебя он точно переживет, а вот надолго ли, тут уже сказать трудно. Разве что со временем...

И Дуке снова захотелось верить. Тем более что слова воеводы насчет рождения мальчика уже сбылись, так почему бы не сбыться и этим.

– Значит, крестить его должен ваш митрополит в сане патриарха, – задумчиво протянул Иоанн, но больше не сказал ни слова.

После всего этого предсказанию воеводы в отношении крестоносцев император поверил безоговорочно, к тому же ему больше ничего не оставалось. И после всего этого отпускать такого человека обратно на Русь, да еще в столь тревожное для империи время? Не-

---

<sup>46</sup> Мансура – победоносная.

<sup>47</sup> Мамлюки – привилегированное конное войско, формируемое из купленных на невольничьих рынках подростков-рабов. Формирование корпуса мамлюков берет свое начало со времен султана Салах ад-дина.

<sup>48</sup> Бахриды и бурджида – первые были тюркского происхождения, в основном – кипчаки, чей лагерь располагался в одном из рукавов дельты Нила (отсюда и их название от бахр – море), вторые – преимущественно горцы с Северного Кавказа (черкесы), которых держали в цитадели Каира.

<sup>49</sup> Именно так впоследствии и произошло.

е-ет, Ватацис не самоубийца, чтобы, будучи тяжело больным, лишаться чудодейственного лекарства.

Да, конечно, предсказание было сделано не самим Вячеславом, который его только передал, и все же, и все же... К тому же Иоанн еще в Никее, после разговоров с отцом Мефодием, весьма и весьма пристально интересовался не только успехами князя Константина, но и подробностями того, как он их достиг. Сейчас эта предусмотрительность оказалась на руку.

Задумчиво глядя на воеводу, он знал, что перед ним стоит тот самый человек, который вместе с князем дважды разгромил полки Владимиро-Суздальской Руси, которая была не в пример многочисленнее и сильнее Рязанского княжества, а затем нанес сокрушительное поражение соединенным войскам всех остальных русских земель.

Да что там говорить про Русь, когда он легко, почти играючи, сумел всего за пару месяцев скинуть в холодные воды Варяжского моря могучих крестоносцев и датчан.

Но для начала, справедливо рассудив, что ничто не может сблизить людей так, как совместные победы, он поставил себе целью взять его хотя бы на временную службу. Все равно русский воевода сидит здесь, в Константинополе и не уедет, пока не решится вопрос с патриаршеством.

Стремясь заручиться расположением Вячеслава, он то приглашал его на загородную прогулку, то организовывал на ипподроме гонки колесниц, то любезно предлагал себя в качестве гида, и весь день они объезжали Константинополь, а Иоанн увлекательно рассказывал о достопримечательностях великого города.

Помогало сближению и то, что Ватацис, в отличие от скользкого и увертливого патриарха Германа, сразу пришелся по душе воеводе. Когда во время очередной экскурсии Иоанн осторожно завел разговор о том, чтобы Вячеслав помог ему отбиться от врагов, бывший капитан внутренних войск долго не раздумывал, сразу заявив, что готов помочь будущему императору, правда при условии, что не позднее чем через месяц он увидит на голове отца Мефодия патриаршую митру.

– Значит, в битве я останусь без твоих воинов, – грустно усмехнулся Ватацис и пояснил: – Не далее как три дня назад я спрашивал владыку Германа о том, как идет подготовка к церковному собору, или как там оно называется, и знаешь, что он мне поведал? – И, не дожидаясь ответной реплики Вячеслава, Ватацис продолжил: – Не ранее чем через два месяца. Вот так вот.

– Ну хорошо, – смиловился воевода. – А после того как отобьемся?

– Даю тебе слово, что я сделаю все возможное и невозможное, дабы в течение месяца после того, как все благополучно закончится, ваш Мефодий стал патриархом. Если же он им не станет, то в городе вовсе не останется патриархов. – Он сделал многозначительную паузу и на всякий случай уточнил: – Никаких.

– Но тогда ты должен доверить мне всю свою военную власть, потому что принимать решения должен только один человек. Кого ему брать к себе в войско, с кем и где биться и прочее, – поставил неременное условие Вячеслав.

– Тебе, – подчеркнул Иоанн это слово, – я верю. Ты получишь столько власти, сколько тебе будет нужно. Надеюсь, ты оставишь меня при себе хотя бы в качестве советника? – улыбнулся он.

– Я пока не решил, – ответил в тон императору воевода. – Но мы еще не все обговорили. Дело в том, что в боях погибнут многие из моих людей, а я очень высоко ценю их, – задумчиво произнес Вячеслав и остановился в нерешительности, гадая, пришла ли пора попробовать осуществить то, о чем его просил Константин, или еще рано.

– Я заплачу золотом, – не понял его колебаний Иоанн. – Заплачу хорошо. Все равно без вас мне не выстоять, так что деньги мне будут ни к чему. По два золотых каждому из оставшихся в живых и по десять тебе за каждого убитого.

– Не мне, император, – отрицательно покачал головой воевода. – Я mzды не беру. Золото пойдет в пользу тех семей, которые останутся без своих кормильцев. Но этого мало.

– А что же еще? – удивился Ватацис. – Я бы охотно породнился с твоим князем и выдал за него свою сестру или дочь, но у меня нет дочерей, даже маленьких. Один только сын Феодор. А сестры мои для него староваты, да и замужем они, хотя... если князь Константин не побрезгует, то Марию – ей еще нет и сорока – можно развести. Думаю, что патриарх даст на это свое согласие.

– Это лишнее, – отмахнулся Вячеслав, вздохнул и заметил: – Хотя, конечно, было бы здорово привезти ему невесту из Константинополя.

Говоря это, воевода в первую очередь думал о том, что он лишается великолепного удовольствия поглядеть на лицо своего друга Кости, когда, встретив прибывших из Константинополя русичей, тот узнает, что вместе с ними прибыла и его невеста, которой не исполнилось и сорока лет – девочка совсем. Вячеслав представил, как широкая улыбка князя, возникшая при радостной встрече с друзьями, тут же превращается в страдальческое выражение, будто тот напился уксуса или еще какой дряни, и невольно улыбнулся.

– Жаль, конечно, отказываться, – искренне сказал он. – Но я таких дел не решаю.

– Тогда что тебе нужно? Скажи, и ты получишь требуемое, если я только в силах тебе это дать.

Вячеслав вздохнул, еще раз окинул взором окрестности Константинополя, хорошо просматривавшиеся с пятидесятиметровой высоты Мраморной башни, стоящей на стыке крепостных стен, защищавших город с суши, и той, что была обращена к водам Пропонтиды, и наконец решился.

– Мне нужен греческий огонь<sup>50</sup>, – произнес он тихо, но очень твердо.

Иоанн вздрогнул. Это уже была наглость. Но, с другой стороны, а что ему оставалось делать. Хотя поторговаться все равно стоило.

– А тебе известно, что на того, кто откроет его секрет чужеземцам, императором Константином Пагонатом<sup>51</sup> наложено страшное проклятие, которое по повелению Багрянородного даже вырезано на престоле в храме? «Анафема из века в век», – произнес он мрачно. – Причем вне зависимости от того, кто он по роду и званию, будь даже патриарх или император. И сыну своему он в своих рассуждениях<sup>52</sup> заповедал отвергать все просьбы и отвечать, что огонь этот был открыт ангелом императору Константину Равноапостольному для одних только христиан...

– А мы на Руси кто? – бесцеремонно перебил его воевода.

– И готовить его нельзя нигде, кроме императорского города, равно как нельзя передавать либо научать другую нацию, – невозмутимо закончил Иоанн.

– А ты сам во все это веришь – ну там проклятия и прочее? – осведомился Вячеслав.

– Были люди, которые не побоялись, – нехотя отозвался Ватацис. – Один умер всего через несколько мгновений после того, как передал свиток с описанием греческого огня врагу.

– А свиток? – лениво поинтересовался воевода.

– Он сгорел сразу же, как только его взяли в руки.

<sup>50</sup> Греческий огонь – так называлась зажигательная смесь, употреблявшаяся в Средние века для военных целей, особенно в морской войне. Считалось, что он изобретен в 668 г. греком Каллиником из Гелиополя Сирийского. Состав его ныне неизвестен. По своим свойствам напоминал современный напалм. Разные источники по-разному говорят о времени изобретения греческого огня, поэтому здесь и далее автор решил ориентироваться только на словарь Брокгауза и Ефрона.

<sup>51</sup> Константин IV Пагонат (т. е. бородатый) – византийский император (668–685). Впервые греческий огонь был применен во время его правления в сражениях с арабским флотом, благодаря чему удалось нанести аравитянам серьезный урон.

<sup>52</sup> Ватацис имеет в виду «Рассуждения о государственном управлении» Константина Пагоната.

– А я не буду брать его у тебя, – внес легкую коррективу Вячеслав. – Ты просто положишь его передо мной, а потом заберешь обратно.

– Этим ничего не изменишь, – покачал головой Иоанн. – Можно обмануть человека, но не бога.

– Не думаю, что бог так кровожаден. И кстати, о твоём роде. Если ты передашь мне секрет греческого огня, то я обещаю сообщить тебе очень важную тайну, касающуюся твоего внука. Иначе твой род и впрямь пресечется, только не божьими руками, а людскими.

– Это... угроза? – мрачно осведомился Ватацис.

– Если бы я угрожал, то говорил бы о тебе или о твоём сыне Феодоре, – резонно возразил Вячеслав. – Речь же идет именно о твоём внуке. У князя Константина очень хорошие предсказатели будущего. От них он и узнал эту тайну, – пояснил Вячеслав.

– Не пойму. Если они заглянули в будущее, то это значит, что некое событие непременно произойдет. Тогда какой смысл в том, откроешь ты мне тайну или нет? Все равно свершится то, что они увидели, – пожал плечами Иоанн.

– Э-э, нет. Будущее, как утверждает этот прорицатель, делится на два вида. Есть то, что изменить нельзя, а есть и такое, которое изменить можно. Так вот, твое как раз из числа последних, – пояснил Вячеслав, старательно, слово в слово повторив фразу Константина.

– Верю, – коротко отозвался Ватацис. – Тебе я почему-то верю полностью, так же как и твоим друзьям-русичам. Плохо то, что когда вы уйдете, то в этом проклятом городе таких надежных людей уже не останется, – и он сокрушенно вздохнул, искоса посмотрев на Вячеслава.

– Хитришь, государь, а зря, – весело засмеялся воевода. – Я – человек простой, так что ты сразу говори, что от меня нужно. Как я понимаю, греческий огонь ты мне дашь, но взамен попросишь что-то еще. Что именно?

Иоанн не спеша взял красивый серебряный кубок, украшенный ажурной резьбой, который стоял перед ним, и задумчиво повертел его в руках.

– Хорошее у нас в Константинополе вино? – спросил он Вячеслава.

– Славное. Только немного приторное и еще смолой отдает, а так конечно, – согласился воевода, недоумевая по поводу такого неожиданного поворота в беседе.

– Легкий привкус свидетельствует о его долгой выдержке, – поучительно заметил Ватацис. – Если ты заметил, то дешевое вино, которое пьют твои воины, совсем иное, оно не имеет этого аромата.

«Зато от него тянет какой-то непонятной медицинской дрянью»<sup>53</sup>, – подумал Вячеслав, но вслух об этой мелочи говорить не стал.

Гораздо интереснее было, к чему ведет свою речь, начавшуюся так издалека, умный и лукавый Иоанн, а тот все так же неторопливо и задумчиво продолжал:

– Много хорошего могут делать наши люди. Куда ни глянь – хоть на башни, хоть на дворцы – всюду столкнешься с мастерством, которое еще не скоро превзойдут их потомки. А уж про храмы я и вовсе молчу. Других таких нет нигде. Одна Святая София чего стоит. И это правильно. У великих святых, что в них находятся, должны быть достойные хранилища. Одна беда – чем больше их в храмах, тем меньше святости в людских душах. Гниль, грязь, подлость – этого сколько угодно, а вот благородства, чести, совести, верности слову год от года все меньше и меньше. Вот потому-то я тебе немного завидую. Твои люди тебя никогда не предадут и не бросят. Ни тебя, ни твоего князя.

---

<sup>53</sup> В те времена дешевое константинопольское вино, по ценам вполне доступное даже для бедных, действительно имело почему-то привкус гипса.

– Может, потому, что знают – ни я, ни князь их тоже никогда не предадим и не бросим, – осторожно предположил Вячеслав. – А я слышал, что не все византийские императоры этим отличались.

– Может, еще и поэтому, – не стал спорить Ватацис. – Но не только. Измельчал народ ромейский, ох как измельчал. И ты не думай, что я тебе льстил, отзываясь так высоко о тебе и твоих людях. Вот если бы близ меня постоянно находилось хотя бы несколько сотен русичей, насколько спокойнее мне было бы править. А уж если бы их число составляло пару тысяч, то я и вовсе был бы счастлив, – протянул он мечтательно.

«Ну и аппетит, – мысленно восхитился воевода. – Тебе бы в купцы – миллионером бы стал», а вслух ответил:

– Боюсь, государь, что ты не сможешь быть счастливым, поскольку пары тысяч русичей у тебя не будет. Но греческий огонь и впрямь дорогого стоит, так что для твоего спокойствия я, пожалуй, и впрямь оставлю здесь несколько сотен своих бойцов.

– Их будет семь или восемь? – сразу оживился Ватацис.

«Нет, парень, ты себе точно профессию неправильно выбрал. Я бы на твоём месте срочно поменял корону на бухгалтерские счета, если они только здесь имеются».

– Все зависит от потерь, которые мои люди понесут в грядущих боях, – вздохнул Вячеслав. – Но думается, что как бы ни были они тяжелы, две-три сотни я всегда смогу выделить.

– Я слышал, что священным числом задолго до нашего времени чуть ли не у всех народов считалось семь, – сделал скидку Иоанн.

– А я слышал, что у христиан самое святое – это божественная троица, – парировал воевода.

«Ты с кем торговаться удумал?! Да мне у самого Константина вдвое больше гривен выцыганить удастся, чем он изначально на мои затеи планирует, а из него лишнее выжать потяжелее, чем из тебя греческий огонь», – мысленно улыбнулся он.

– Разные есть числа. Не менее священным считается число шесть, как количество дней, в течение которых на заре времен трудился наш господь, – вновь пошел на уступку Ватацис.

– Но и число зверя, указанное в библии, тоже из шестерок состоит, – не согласился Вячеслав. – А вот число четыре и впрямь свято. Именно столько евангелий написано о жизни Иисуса Христа.

– Да, действительно, – не стал спорить Иоанн. – Пожалуй, лучше всего будет пять. Тогда ты все равно сможешь гордо прибавить к нему слово «тысяча». Сам вслушайся, как это красиво. Полутысяча, – произнес он нараспев. – Даже шесть сотен звучит совсем не так. Более грубо, что ли. – И добавил после небольшой паузы: – Хотя и увесистее.

– Оставим грубоватые слова для купцов, – предложил Вячеслав. – Пусть лучше будет красота, а то ее и так мало в этом мире.

– Но это вне зависимости от того, сколько людей у тебя погибнет, – уточнил Ватацис.

– Не совсем так, – поправил его воевода. – В обратный путь со мной должны отправиться не меньше двух сотен при любом исходе.

– Но я надеюсь, что ты сэкономишь намного больше, – уверенно заявил Иоанн.

– Я тоже, – согласился Вячеслав.

На этом их разговор и закончился. Каким образом подробности этой беседы донеслись до ушей Германа II, трудно сказать, да это и не столь важно. Гораздо важнее иное – именно это подтолкнуло константинопольского патриарха к мысли, что надо отправлять к праотцам сразу обоих русичей.

Герман не торопился. Неизвестно, как поведут себя дружинники, если их верховный воевода тяжело заболит. Возьмут и уедут все полностью, оставив город в такие трудные дни. Нет уж. К тому же весьма желательно было бы, чтобы Вячеслав покинул город и принял «угощение» не в самом Константинополе. Отравление двоих людей в один и тот же день

и после одной и той же трапезы – это слишком. Трудно сказать, как поступит в этом случае Иоанн Ватацис, который столь явно симпатизирует этому воеводе. Лучше, если смерть настигнет их в совершенно разных местах. Поэтому он выжидал.

Между тем Константинополь уже сел в осаду. Сел, несмотря на то что, как таковой, осады, по сути, еще не было. Никто не высадился пока под стенами города, но столица была уже полностью отрезана от моря кораблями крестоносцев и венецианцев. Да и по суше подвоз продовольствия почти прекратился. Армия эфирского конкурента Феодора еще не подошла вплотную к крепостным стенам, но была уже в сотне верст от столицы империи.

Пока говорить о том, что кто-то станет штурмовать город, было рано. Сто восемьдесят восемь башен, возвышающихся над Пропонтидой, отбивали охоту у любого смельчака. Еще сто десять грозно высились над крепостными стенами, обращенными к Золотому Рогу. Говорить о тройном кольце могучих сооружений, надежно защищавших город с суши, и вовсе не стоило. Овладеть Константинополем с боем было почти невозможно. Зато осаждающие вполне могли пригласить себе в помощь надежного союзника – голод.

Запасы продовольствия, конечно, имелись, но они рано или поздно заканчиваются, если их время от времени не пополнять. Хозяйственный Ватацис, приказав подсчитать все, что имелось, пришел к неутешительному выводу о том, что от силы через месяц жители города начнут голодать, а через полтора придется пустить под нож всех коней. Вначале тех, которых он, не торгуясь, скупил у иконийского султана, чтобы посадить на них хотя бы часть русичей, затем дойдет черед до отборных жеребцов его катафрактариев, и тогда...

Впрочем, что будет тогда, представлять совершенно не хотелось.

Своими опасениями он поделился с Вячеславом, на что тот твердо заявил:

– Лучшая защита – это нападение. Нужно выступать самим.

– В том-то и дело, что нельзя, – вздохнул Иоанн. – Если только мы уйдем, то как знать – будет ли нам куда вернуться. Крестоносцы и их союзники времени терять уж точно не будут. Едва они узнают, что город беззащитен, как... – договаривать не хотелось.

– Оставим тысячу моих людей. Остальными станут добровольцы из горожан. Зря, что ли, мы их учили?!

Иоанн недовольно скривился, но, наученный горьким опытом, промолчал. Хватит ему ходить в неправых.

Вопрос о том, что людей мало и с такими силами одновременную войну сразу с двумя могущественными армиями не выдержать, был впервые поднят Вячеславом месяц назад. Именно тогда воевода предложил Дуке вооружить горожан, чтобы развязать себе руки для маневра, если таковой понадобится, и иметь возможность без опасения за судьбу города выступить навстречу одному из врагов.

Тогда Иоанн высказал резкое возражение, поскольку, в отличие от русского воеводы, был абсолютно уверен в том, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Константинопольский плебс хорош, да и то в кавычках, лишь в дни смут и волнений.

Разношерстный, говорящий на многих языках и наречиях, он объединялся, становился дерзким, отважным и решительным, готовым собственной грудью снести различные преграды только в одном случае – когда шел против существующей власти. Вот тогда эти люди, полуголодные и полупьяные, были неукротимы в своем гневе и ярости.

В остальных же случаях плебс был совершенно иным. Не умным, а лицемерным, не осторожным, а трусливым, не смелым, а подлым. Однако спорить было ни к чему. Пусть русич сам все поймет, вплотную столкнувшись с возбудимой, вспыльчивой и совершенно неуправляемой толпой, которой хватало всего нескольких минут на то, чтобы перейти от озорных песенок к озлобленным выкрикам, а от них и к драке.

Как это ни странно, но кое-что у воеводы получалось. Толмачи, которыми он пользовался и которые по большей части были приданы ему Иоанном, потом подробно рассказали Ватацису, с чего начал Вячеслав.

Во-первых, русич изначально поступил не просто умно, но мудро, повелев объявить всем, что постоять за свой родной город и милую отчизну в те дни, когда ей грозит беда, не только долг и обязанность каждого жителя Константинополя, но еще великая честь и огромный почет, а потому в собираемое им ополчение попадет далеко не каждый.

Одно дело, когда тебя загоняют в строй палкой, и совсем другое – когда ты становишься в него сам, да и то могут еще не взять. И ведь действительно не брали. Было такое не раз и не два. Иных же, которые рассчитывали на море вина и какие-то дополнительные привилегии или позволяли себе простую недисциплинированность, изгоняли чуть позже, уже в ходе обучения. И все равно к концу двухнедельного курса молодого бойца, как выразился воевода, в строю осталось почти пять тысяч горожан.

Кроме того, Вячеслав затребовал от Ватациса свободу для рабов, изъявивших желание вступить в отдельный легион, к формированию которого он приступил в те же дни, что и к набору городского ополчения.

И здесь Иоанн тоже усомнился в успехе, о чем заявил вслух. Правда, и тут он проявил мудрость, не став спорить и настаивать. Пусть русский военачальник сам увидит, во что превращается человек, который, может, и был когда-то неплохим, но, послужив хозяину, либо продавался, как неугодный, на галеры, либо заслуживал господскую милость ценой бесконечных унижений, угодничества и умелых доносов.

К тому же больших рабовладельческих хозяйств в Константинополе практически не имелось. Рабы, многие из которых были военнопленными или невольниками, привезенными иноземными купцами, прислуживали в богатых домах, становились пастухами или работали в ремесленных мастерских.

И снова Ватацис промахнулся. За сладким словом «свобода» потянулись и стар и млад, особенно те, кто недавно оказался в этом унижительном положении. Чуть ли не половину из числа взятых в этот легион – почти три тысячи – составили гребцы.

Многие из них так и не смогли уйти из Галаты, выход из которой Вячеслав наглухо блокировал почти сразу, уже в первый день после ночного переворота, еще часть принадлежала богатым константинопольским купцам. Последние не роптали, подойдя к ситуации с пониманием и надеясь на то, что после изгнания ненавистных венецианцев сумеют легко и быстро компенсировать свои потери.

Более того, опасаясь, что Иоанн все-таки не сумеет удержать город теми силами, что у него были, купцы устроили своеобразную складчину и преподнесли Ватацису почти полторы тысячи своих собственных воинов, служивших у них в качестве охранников. Это было славное приобретение, которое Вячеслав, в отличие от Ватациса, оценил в должной мере.

Если у рабов, жаждущих получить свободу, за исключением, конечно же, бывших воинов, не имелось никаких боевых навыков, то купеческие охранники были не просто привычны к оружию. Они знали строй, умели его держать и давным-давно на собственном опыте прекрасно познали всю его важность. Когда на тебя летит обезумевшая толпа разбойников, алчущая легкой добычи, и их втрое, вчетверо, а то и впятеро больше, чем охранников каравана, то единственным спасением и возможностью хоть как-то уравнивать шансы был именно тесный плотный строй – нога к ноге, плечо к плечу, щит к щиту. Иначе – смерть.

Благодаря тому, что удалось привлечь горожан, Вячеслав оставил в Константинополе только тысячу своих дружинников и строго-настрога наказал Любиму неотлучно сопровождать отца Мефодия, куда бы тот ни направлялся, вплоть до отхожего места.

Все остальные жарким летним днем выступили навстречу разношерстным полчищам Феодора, который после взятия Константинополя русскими тоже не терял времени даром. Его армия увеличилась наполовину и составляла уже тридцать пять тысяч человек.

Тягаться с ним представлялось делом затруднительным. Силы самого Иоанна были намного меньше. Правда, в коннице у него было почти равенство с противником – две тысячи катафрактариев да столько же русских дружинников. Зато в пехоте...

К пяти тысячам своих воинов Ватацис мысленно прибавлял только две русских, да еще полторы из числа воинов, которых дали купцы. Итого – восемь с половиной. Учитывать людей из рабского легиона он наотрез отказывался.

Место для будущего сражения Вячеслав избрал заранее, причем крайне неудобное для себя – голую равнину с пологими холмами впереди, откуда очень удобно набирать ход вражеской коннице. К тому же на такой открытой местности не мог не сказаться численный перевес войск властителя Эпира, Фракии, Македонии и всех северных греческих земель. И вновь Ватацис не возражал.

Правда, оставшись наедине с Вячеславом в своей палатке, он все-таки не удержался от того, чтобы не высказать скопившиеся сомнения. Нет, Иоанн, конечно, доверял этому русичу, но сейчас решалась судьба его собственной императорской короны.

– Феодор от нас на достаточно большом расстоянии, – осторожно намекнул Ватацис. – Мы вполне могли бы успеть занять те холмы, чтобы иметь гораздо лучшую позицию.

– Мои люди сказали, что там нет воды, – возразил воевода. – А здесь она есть. И травы для коней тут много. К тому же здесь нашим воинам есть где укрыться от солнца, а это тоже немаловажно.

Действительно, вода здесь имела. Несколько жалких ручейков текли по этой выжженной земле, через которую за последние десятилетия столь часто катились враждующие армии, что даже самые терпеливые землепашцы бросили свои убогие хибарки и ушли куда глядят глаза.

Над полуразвалившимися остатками лачуг кое-где уцелели ветхие крыши, хотя и они были в изрядных прорехах. Судя по количеству обветшалых домиков, деревня, что была здесь расположена, когда-то процветала. Правда, было это давно. Очень давно.

Но при чем здесь эти несколько жалких ручейков и убогая защита от солнца, когда весь опыт ведения военных действий, включая великих римлян, говорил совершенно об обратном.

Ватацис вздохнул: «Боже, кому я доверил свое войско! Да какое значение имеет все то, что здесь есть, по сравнению с тем, чего здесь нет!»

Однако он еще раз, собрав все свое терпение, попытался переубедить русича:

– Помнится, я тебе говорил, что Феодор, каким бы человеком он ни был, тем не менее весьма начитан. Многие могут у него поучиться как у полководца и стратега. Он читал и «Жизнеописание Александра Македонского», и «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, и «Начала» Марка Порция Катона-старшего, и Тита Ливия, и Плутарха, и множество других великих мужей. Поверь мне, воевода, это очень важно. Пусть тебе эти имена ничего не говорят, но в их книгах имеется почти все, что нужно знать полководцу для достижения победы.

– Эти имена мне кое-что говорят, – спокойно кивнул Вячеслав и произнес совершенно уж непонятное для Ватациса: – На это я и надеюсь. Помнится, ты говорил, что за время своего пребывания в Никее<sup>54</sup> этот Феодор больше всего увлекался Ганнибалом?

---

<sup>54</sup> Феодор жил при дворе никейского императора до 1214 г. Затем, когда до Никей дошли вести о том, что его родной брат Михаил убит, император отпустил его, взяв с Феодора клятву верности, которую тот немедленно нарушил, начав борьбу за корону Византии.

– Да, это так, – несколько растерянно подтвердил Иоанн. – Но ради всех святых, ответь мне – при чем здесь Ганнибал?!

– А еще ты рассказывал мне, что он всегда считал битву при Каннах<sup>55</sup> самой главной вершиной воинского мастерства Ганнибала, которая до сих пор никем не превзойдена, – невозмутимо продолжал воевода. – Значит, он непременно постарается повторить эту битву.

– Ну, это вряд ли. Ты же сам говорил – твои люди донесли о том, что в его войске всего пять тысяч всадников. У нас их не многим меньше.

– Так-то оно так, только он об этом не знает. Или ты думаешь, что я напрасно велел половине твоих катафрактариев вместе с моими конными дружинниками держаться на один переход сзади? Его люди видели наше войско и сосчитали его.

– И ты не смог остановить вражеских спекуляторов?!<sup>56</sup> – ахнул Иоанн.

– А зачем? – спокойно пожал плечами воевода. – Пусть считают. Теперь он думает, что мы имеем всего восемь с половиной тысяч пеших и тысячу всадников. Вот и славно. При таком перевесе он непременно захочет не просто победить, но победить красиво, как Ганнибал.

– При Каннах, – растерянно дополнил Ватацис.

– Вот-вот. При них самых, – спокойно подтвердил Вячеслав.

– И что ты задумал?

– Переломать ноги нашим будущим трофеям, – последовал очередной ответ-загадка.

– Трофеи, это...

– Это их кони, – наконец-то снизошел до пояснения Вячеслав. – Помнится, под Коломной я как-то устроил такое одному князю. Что характерно, он остался очень недоволен. Поэтому мне и нужно много травы, дабы замаскировать рвы, которые мы выкопаем, чтобы обезопасить пешее войско от ударов с флангов. Смотри, государь, – он подобрал палку, валявшуюся возле костра, и принялся рисовать ею в пыли. – Вот наш центр. Здесь мы поставим моих арбалетчиков и тех людей, которых нам дали купцы. Они к строю привычны, так что мы постараемся сдержать основной напор войска неприятеля. У тебя две тысячи катафрактариев. Ты мне выделишь на фланги по две сотни в первые ряды, чтобы Феодор не заподозрил неладное.

– Если исходить из строгих канонов военной науки нашей империи, то на самом деле у меня их от силы три неполных тагмы<sup>57</sup>, – уныло сознался Ватацис. – Если точнее, то пять банд.

– Пять кого? – обалдело уставился на него Вячеслав.

– Банд, – повторил Ватацис. – Ну, если по-вашему, то сотен.

– Ничего не понимаю. Я своими глазами видел две тысячи всадников. Ты утверждаешь, что их у тебя пятьсот. А остальные где? – недоуменно уставился на него Вячеслав.

– Император Никифор Фока назвал бы их курсорами, дефензорами, антецессорами, плагиофилаками, гиперкерастами... – начал перечислять Иоанн.

– Стоп! – перебил его воевода. – У них копьа, мечи и луки имеются?

– Луки не у всех, копьа – в основном у катафрактариев, а мечи – разные, но имеются почти у всех.

– Чудесно. И все на конях.

– Разумеется.

---

<sup>55</sup> Во время 2-й Пунической войны летом 216 г. до н. э. карфагенская армия Ганнибала, имея значительный перевес в коннице, охватом с флангов разгромила семидесятитысячную римскую армию.

<sup>56</sup> Спекуляторы – здесь разведчики, шпионы.

<sup>57</sup> Тагма – конное подразделение византийской армии, насчитывающее 200 всадников.

– Значит, оставишь мне всех своих бандитов, то есть катафрактариев. Как я понял, у них всех тяжелое вооружение, так что лучше всего использовать их во встречном оборонительном бою. Остальных – этих, как там, курсоров, гимнастов и прочих дефективных вместе с моими полутора тысячами поведешь в глубокий охват. Тебе надо за два дня выйти им даже не во фланг, а в тыл. Ты заметил, что от холмов до места, где мы остановились, слишком большое расстояние?

Ватацис кивнул.

– Значит, Феодор не станет останавливаться на них, – продолжал Вячеслав. – Он поставит свой лагерь намного ближе, и ты сможешь выйти почти к холмам, только с той стороны.

– Неужели он не оставит на вершинах своих людей, чтобы никто не смог подкрасться к нему сзади?

– Только наблюдателей, – поправил его воевода. – Глупо держать отряды на открытой местности, которая спокойно просматривается на много верст вокруг. Но с тобой поедут мои люди, а они специально обучены незаметно и бесшумно снимать вражеские дозоры. Так что об этом можешь не беспокоиться. За те два или три дня, пока Феодор будет к нам подходить, мы успеем вырыть рвы а ты – выйти им в тыл. С учетом моей конницы у тебя будет целых три тысячи – этого должно хватить. К тому времени, когда начнется бой, мои люди уже снимут все дозоры, и ты сможешь незаметно приблизиться к холмам. Как только будут запущены три стрелы с черным дымом...

– Я со всей мощью ударю им в спину, – радостно подхватил Ватацис.

«Господи, какое счастье, что империю от этих варваров отделяет море. Иначе в Константинополе давным-давно хозяйничали бы русичи, – подумал он. – Этому воеводе хватило бы десятка тысяч, чтобы подмять под себя всю империю, и никакое чтение Цезаря ее бы не спасло».

– Подожди, а ты сможешь продержаться до этого времени? – спросил он.

– У тебя хорошие лучники? – в свою очередь осведомился Вячеслав.

Иоанн неопределенно пожал плечами.

– Понятно, – вздохнул воевода. – Ну что ж, за неимением горничной придется опять спать с кухаркой, – пробормотал он себе под нос совершенно непонятную для Ватациса фразу, но завершил ответ твердо: – Выстою. Кстати, колесницы советую оставить здесь, – деликатно порекомендовал он.

Вячеслав мог бы сказать и погрубее, но Иоанн так упорно цеплялся за эти архаизмы и ни в какую не хотел расставаться с ними, что воеводе пришлось махнуть рукой. К тому же их было всего ничего – штук пять. Наряды возничих и лучников полностью соответствовали древности этого рода войск.

Ватацис согласно кивнул, но пояснять, что они ему нужны только для того, чтобы осуществить триумфальный въезд через Золотые ворота Константинополя, если его войско победит, не стал. Хотя в том, что с таким полководцем победа будет непременно достигнута, он теперь уже мало сомневался.

Расчет Вячеслава оказался точным. После мощного залпа из полутысячи арбалетов полегла большая часть первой линии диких пастухов Этолии и Фракии. После второго потери стали еще весомее, причем не только среди них, но и во второй линии, идущей – опять же по классическим канонам византийской военной науки – на расстоянии двадцати пяти метров от первой. Именно по второй линии ударил следующий, гораздо более убойный залп, который был выпущен почти в упор. А были еще четвертый и пятый.

Словом, лишь третья линия по телам своих убитых и умирающих товарищей сумела приблизиться к плотно сомкнутым щитам русских дружинников, но и тут их ждала неудача. Невзирая на всю ярость атакующих, строй не дрогнул, не порвался, а продолжал стоять могучей монолитной стеной, успешно отбиваясь от врага.

Если бы Феодор отдал приказ отступить после неудачной атаки, то у него еще оставались бы какие-то шансы. Нет, уже не на успех, но на то, чтобы спасти себя и часть войска. Но на это эфирский деспот как раз пойти не мог, прекрасно сознавая, что его разношерстное войско может посчитать этот сигнал знаком не к отступлению, а к бегству.

К тому же Феодор опрометчиво решил, что еще немного, и он все равно сумеет разорвать плотную цепь врагов. Тем более что она наполовину состояла не из ромеев, а из варваров, которые к строю не привычны и потому не смогут выдержать стремительного натиска его армии. А вот тогда-то сразу начнется классическое повторение Канн. Помогало так думать и то, что конница Ватациса вместе с его хваленными катафрактариями уже уступала, поддаваясь и начиная понемногу отступать, а кое-где просто бежать, оголяя фланги пеших воинов, к которым метнулись эфирские всадники.

Но тут их победный путь перерезали рвы, выкопанные по бокам. Они не были столь уж непреодолимым препятствием для атакующих, но порядком смешали расчеты Феодора, тем более что всадники влетали в них на полном ходу. Из-за высокой травы издали увидеть их было практически невозможно.

Не особо широкие – от силы метра три – они оказались непреодолимым препятствием для доброй четверти атакующих. К тому же через пару метров прорвавшихся ждал еще один ров, и не только он. Мощный залп в упор из двухсот пятидесяти арбалетов и почти пятисот луков снес с седел почти по три сотни всадников на каждом фланге. Словом, из пяти тысяч всадников у Феодора уцелело от силы три, многие из которых имели ранения.

В рядах атакующих возникло замешательство, и тут им в спину на полном ходу, как нож в масло, вошел клин объединенной трехтысячной конницы, ведомой самим Ватацисом. Первый удар пришелся на центр, по пешим, но паника, которая началась почти сразу, немедленно захлестнула всех, и через какой-то час битва была кончена. Разгром оказался полным. Самого Феодора и часть его приближенных сановников удалось захватить в плен.

Пехотинцам повезло даже чуть больше, чем конникам. За такой ничтожной добычей никто из всадников не гонялся, а пешему от пешего убежать вполне по силам, особенно если беглеца подгоняет страх за собственную жизнь.

Ватациса встречали восторженно, ревя до хрипоты, выкрикивая его имя. Впрочем, часть своего лаврового венка Иоанн справедливо решил уделить воеводе русичей, так что и Вячеславу тоже досталась изрядная доля чествования.

Сам Ватацис первым от всей души выкрикнул:

– Слава великому логофету русичей!

– *Славная была победа, – улыбнулся Константин.*

– *Зато потом... – вздохнул Вячеслав.*

– *А что потом? – удивился Константин. – Вроде бы ты мне ничего такого не рассказывал.*

– *А я об этом вообще никому не рассказывал, – усмехнулся Вячеслав. – На кресте поклялся, что пока жив кое-кто – я молчать буду. Теперь только могу себе позволить.*

## Глава 3 Торопыга и Упрямец

*– Выходит, кое-кто умер, – сделал вывод Константин.*

*– Выходит так. Вообще-то, Торопыга намного лучше меня рассказал бы, что да как там дальше было. Да и патриарх наш тоже. А еще... Упрямец, – помедлив, добавил он.*

*– Но их здесь нет, – развел руками Константин. – Ни того, ни другого. Так что придется тебе самому.*

*– А что за Упрямец? – оживился Святослав. – Я о таком вое и не слыхивал.*

*– Собака это была. Обычная собака, – помрачнев, нехотя произнес Вячеслав, но тут же поправился: – Хотя нет, какая уж там обычная. Скорее наоборот. Ну ладно, слушайте. Только я сразу предупреждаю, что рассказчик из меня не ахти какой.*

Так совпало, что обоз с провиантом и вином прибыл из Константинополя в тот же день. Поначалу легкое облачко пыли, показавшееся со стороны столицы через час после завершения битвы, вызвало у бдительных стражей небольшое беспокойство, но тревога оказалась ложной. Это патриарх Герман прислал победоносному войску свой небольшой дар вместе с благословением и пожеланием скорейшей победы. Но если пожелание несколько запоздало, то все остальное оказалось как нельзя кстати.

Возглавлял обоз отец Амвросий, ласково улыбающийся направо и налево. Вот только когда он поглядывал в сторону русского воеводы, то наблюдательный человек мог бы заметить, как на одно краткое мгновение, не больше, в глазах его появляется что-то недоброе. Но кто же в такой великий день будет приглядываться к монаху, особенно когда тот привез не благословение, а нечто гораздо более приятное, и теперь щедро угощает всех подряд?

Через час веселился и пил весь лагерь за исключением дозорных и еще одного человека, который не был на страже, но к вину так и не притронулся – были причины...

Что вино очень вкусное – Николка знал еще с детства. Точнее, с момента своего первого причастия в маленькой церквушке, стоящей в соседнем селе. Мать, невзирая на свою набожность, ходила туда не часто, только на великие праздники. С тех самых пор сам запах вина сливался у Николки в одно целое с нарядным сарафаном матери, сладковатым запахом ладана и празднично оживленными лицами сельчан.

Вот только священник никогда не предлагал Торопыге добавки, а что такое одна-единственная маленькая ложечка, пусть и для мальчика? Да ничего. С тех самых пор одним из самых заветных желаний Николки было распробовать его как следует.

Подходящий для этого случай подвернулся после того, как он получил свою первую награду. И хотя сам он про себя полагал, что досталась она ему не совсем по праву, но не возвращать же ее обратно. «К тому же князю виднее, кого и за что награждать», – успокаивал он себя.

А после награждения был пир, и не только в княжеском терему. Веселилась вся Рязань. Впрочем, Николка, как награжденный, оказался именно за одним столом с князем. Сидеть там было почетно, но очень уж непривычно и даже как-то неудобно. Кругом тысяцкие, бояре и... он.

Так что первый кубок с медом, столь же сладким, как и вино, он выпил залпом скорее от смущения. Другой – потому что первый немного помог, и появилась надежда на то, что вторая чара это самое ненужное стеснение, от которого Торопыга то и дело вспыхивал тонким девичьим румянцем, уберет совсем.

Выпив его, Николка некоторое время прислушивался к своим ощущениям и пришел к выводу, что расчет оказался не совсем точным – для окончательной победы над собственной робостью необходим еще один кубок. Он выпил и его.

А тут как раз провозгласили здравицу в честь великого князя Константина Владимировича, чтобы он жил долго и счастливо многая-многая лета. Ну как тут не выпить. А следом еще один. На этот раз сам князь встал, предложив осушить кубки за того, кто своей храбростью и отвагой помог ему победить всех врагов, – за великого рязанского воеводу Вячеслава свет Михайловича. Да Николка за своего воеводу всю руду не раздумывая по капле бы отдал, а тут только выпить надо.

Затем Торопыга заметил, что у него перед глазами как-то подозрительно плывет стол и норовит завалиться то в одну, то в другую сторону. Он даже ухватился за его край, чтобы удержать от резких качков. Вроде помогло. Покосившись по сторонам и увидев, что его соседи сидят спокойно, Николка стал смутно догадываться, что стол тут ни при чем, и где-то там в глубине шевельнулась слабая мыслишка о том, что, кажется, ему хватит, но в это время была провозглашена здравица за всех награжденных.

«Это как же я за самого себя не выпью», – возмутился он и лихо, подражая своему правому соседу, знаменитому Добрыне по прозвищу Золотой пояс, опрокинул содержимое кубка в себя. Потом, кажется, была еще одна здравица, а потом еще...

Словом, пришел в себя Панин только в бурьяне, которым густо порос высокий бревенчатый тын чьей-то усадьбы. Но пришел только для того, чтобы тут же согнуться от нестерпимой рвоты. Его выворачивало наизнанку, но нестерпимее всего были даже не физические муки и жуткая тошнота, сколько стыд за свой позор. Позор, потому что цепи с наградой, которую только что, буквально несколько часов назад при всем честном народе надел на него князь, на груди не было.

Николка представил, как его товарищи по десятку завтра попросят показать ее, и с ужасом понял, что он этого не переживет. Новый приступ рвоты вновь скрутил его, заставляя выплеснуть в пожухлую осеннюю траву все, что он так старательно в себя вливал, и парень даже с каким-то облегчением подумал, что, судя по всему, завтра для него не наступит вовсе. Он просто помрет тут, под этим загадочным тыном неведомо кому принадлежащей усадьбы, и хорошо сделает, потому что самоубийство – смертный грех, а если получится выжить, то ему под утро останется только самому наложить на себя руки.

Тогда все закончилось благополучно. Николку, всерьез подумывающего о крепкой пеньковой веревке, вовремя отыскали неразлучные Жданко и Званко, посланные воеводой на его поиски. Оказывается, именно они по повелению князя выносили его вчера на свежий воздух, а предусмотрительный воевода велел снять с бесчувственного Николки цепь вместе с орденом, чтоб парень не потерял ее, как свою голову.

Вячеслав не очень-то досаждал Торопыге упреками, но так смотрел, так смотрел!.. Пожалуй, Николка на всю жизнь запомнил этот взгляд и долго еще удивлялся, как в эти самые мгновения он не провалился со стыда сквозь землю, очень сожалея о том, что это у него так и не получилось.

Словом, с тех пор Панин ни к меду, ни к вину ни разу не притронулся. Он попытался как-то раз пригубить в компании, но едва поднес чару к губам, как ему тут же вспомнился веселый княжеский пир, и он мгновенно согнулся в неистовом приступе неудержимой рвоты.

Поэтому на веселом пиру по случаю славной победы Николка задерживаться не стал. Так, посидел немного, пожевал чего-то нехотя, а затем тихонько удалился. К тому же ему нестерпимо хотелось спать. Сказывалась бессонная прошлая ночь, когда именно он и еще два десятка спецназовцев бесшумно крались к холмам, чтобы рано утром вырезать всю неприятельскую сторожу.

Походив по лагерю, он присмотрел себе уютное местечко на одной из телег с огромными колесами, которые здесь назывались арбами. Именно на них было доставлено вино и прочий провиант, которые прислал Константинопольский патриарх. Сейчас арба была почти пуста, так что опасаться развеселых гуляк, которые в поисках добавки начнут здесь копошиться, не стоило.

Вдобавок на дне повозки было навалено сено. «Все помягче будет спать», – рассудил Николка, зарываясь в него поглубже и почти мгновенно проваливаясь в глубокий сладкий сон.

Проснулся он как-то внезапно оттого, что привиделась ему подползающая огромная черная змея. Она была так велика, что трава с громким шорохом проминалась под ее телом, а калюка<sup>58</sup> приближалась к нему все ближе и ближе. Однако когда он проснулся, шуршание, как ни странно, продолжилось.

«Неужто и впрямь змея?!» – подумал Торопыга испуганно.

Чего-чего, а этих гадов он панически боялся с самого детства. Сна не было уже ни в одном глазу. Затем, прислушавшись, Панин немного успокоился – шуршало на соседней повозке.

«Ну да, только змеюка ведь и переползти запросто может», – мелькнула мысль, и он, стараясь не делать резких движений, тихонько стал раздвигать сено, мешающее ему.

Увиденное несколько успокоило Николку. Шуршала не змея, а монах, который ожесточенно рылся в сене, что-то отыскивая на дне соседней арбы. Время от времени монах прекращал поиски, испуганно оглядываясь по сторонам, но затем вновь принимался за свое. Наконец он со вздохом облегчения поднял что-то темное и круглое, взболтал над ухом, прислушался, и при свете полной луны Николка явственно увидел, как тот улыбается.

Если бы не ухмылка отца Амвросия, то Торопыга, скорее всего, мысленно обругав его как следует, вновь завалился бы спать, но очень уж недоброй она была.

«Хорошие люди так не улыбаются», – подумал парень, и в голову ему пришло первое неясное подозрение о том, что здесь что-то нечисто.

«Опять же если запрятал ты от своих товарищей баклажку с вином, так пей. Куда понес-то? Поделиться захотел? А чего ж тогда крадучись ее доставал?» – и подозрение немедленно усилилось.

Слегка приподняв голову, Николка увидел, как монах, спрятав баклажку под рясой, направился в сторону императорского шатра, откуда доносились веселые разгульные голоса.

«А это и вовсе никуда не годится. Какие у тебя могут быть там товарищи?» – И Панин вспомнил, что вроде бы уже видел этого монаха в самом начале пира. Тот не сидел среди веселящихся воинов, а стоял сзади них и время от времени подливал вино в кубки пирующих.

«Неужто там вино кончилось, и он за новым пришел?» – подумал растерянно, а ноги уже сами несли его вслед за монахом. Шел он точно так же, как тогда, по темной улице Константинополя, чтобы не выдать себя ни одним лишним звуком или шорохом.

Монах время от времени оглядывался, но Николка каждый раз успевал затаиться то за арбой, то за стреноженной лошадей, а то за пустым бочонком. Наконец тот нырнул под полог шатра. Торопыга, в несколько прыжков преодолев последние несколько десятков метров, следом за ним тоже вошел внутрь и тут же увидел монаха, подходящего к воеводе.

От входа было не очень хорошо видно, к тому же воеводе часто загоразивали другие люди, которые то и дело вставали, подходили к Вячеславу, что-то говорили ему, затем отходили обратно, но их место тут же занимали другие. Поэтому Николка не смог заметить, когда именно монах ухитрился подлить в кубок воеводы вина из баклажки. Он увидел лишь, что

---

<sup>58</sup> Калюка – змея (ст.-слав.).

служитель божий с улыбкой протягивает кубок Вячеславу, тот берет его в руки, что-то говоря в ответ на очередную загадочную ромейскую речь, и уже готов выпить из него.

Кричать было поздно и оставалось только одно – сделать то, чему его учили. Прежде чем стать полноценным спецназовцем, Николка освоил много интересных штук, хотя не всегда понимал, зачем они нужны воину. Ну, ножи метать, чтоб они впивались точно в цель, – это понятно. Про копье, лук и арбалет тоже спорить не приходилось, равно как и про меч с секирой, а вот ползать так, чтоб не услышал даже слепой дядька Хавря, – это, с точки зрения Торопыги, было лишним. Или вот взять прыжки, да еще не простые, а с двумя котомками, доверху набитыми камнями. Ну зачем оно воину? В каком таком бою может пригодиться это загадочное умение приземляться в точно намеченный квадратик с высоты одной, затем двух, а потом аж пяти саженей?!

Нет, разумеется, сам воевода им объяснял и для чего оно необходимо, говорил, что им предстоят не совсем обычные бои. Николка, как и все прочие, в ответ согласно кивал, но в душе все-таки не совсем соглашался. Однако раз надо, значит, надо, так что он вместе с остальными и ползал, и прыгал, и лазил на такие высоты, что потом, когда смотрел сверху вниз, то аж голова кружилась – ну и круча.

Зато теперь полученные навыкигодились в полной мере. Торопыга как стоял у входа, так прямо от него и прыгнул напрямик на воеводу. Правая рука парня пошла вперед в точном ударе еще во время прыжка, только не ножом под сердце, а кончиками пальцев по кубку. Позже он и сам удивлялся, каким непостижимым образом сумел до него достать. Три сажени с лишним отделяли его от Вячеслава, а вот поди ж ты – одолел, а ведь прыгал без разбега. Только и успел сделать шаг вперед правой ногой и ею же оттолкнуться, направив в точный полет все тело.

– Ошалел!? – услышал он совсем рядом возмущенный голос Вячеслава, но Николке было не до извинений, потому что монах уже торопливо шел к выходу.

Нож, который всегда был с ним, доставать из-за голенища сапога было уже некогда. И тогда Торопыга схватил небольшой медный поднос, валявшийся рядом.

По счастью, этому его тоже учили. Чудно, но тогда ему как раз очень плохо удавалось попадать в нужную точку. Диск постоянно улетал то ниже, то выше намеченной цели, а тут ведь и прицелиться толком времени не было, а поди ж ты – угодил прямо по затылку.

Лишь увидев, как монах, пошатнувшись и не устояв на подкосившихся ногах, летит вниз лицом прямо на шатровую ткань, Николка облегченно выдохнул:

– Отрава, воевода. Не пей.

Вячеслав заглянул в свой кубок, который он так и не выпустил из рук, и обиженно протянул:

– А чего тут пить-то? Ты же все разлил.

Кубок был действительно практически пуст, а его содержимое разлилось по земле, вытопанной до твердости камня.

– Накинулся, как зверюга... – возмущенно продолжал воевода и осекся. – Как отрава? – дошло до него.

Монаха взяли с поличным. Остатки яда он вылить так и не успел, потому и торопился выйти наружу, чтобы скорее избавиться от них.

– А может, твой воин что-то перепутал? – с надеждой в голосе спросил Ватацис.

– Я уже проверил. Он не ошибся и не перепутал, – твердо произнес воевода, который несколькими секундами раньше наконец-то вспомнил про перстень Константина, вылив на него остатки из кубка. – Это яд, причем очень сильный, – произнес он, украдкой покосившись на камень, мгновенно ставший черным. – Если не жаль пленных, вели испытать на ком-нибудь из них, – предложил он, продолжая внимательно рассматривать крепко связанного

монаха, стоящего перед ним. – А ведь мне твоя морда лица знакома, святой отец, – протянул он задумчиво. – Где же я тебя видел-то?

Николка огляделся по сторонам и, хотя кроме воеводы и Ватациса в шатре уже никого не осталось, все равно понизил голос почти до шепота. Настолько кощунственной была догадка, пришедшая ему в голову.

– Он из людей патриарха Германа, воевода.

– Воин правду говорит? – строго спросил Иоанн у монаха, но тот по-прежнему молчал.

– Значит, патриарха, – задумчиво протянул Вячеслав и озабоченно повернулся к Николке. – Вот что, Торопыга. Полдела ты уже сделал, а теперь постарайся и вторую половинку довершить. Бери доброго коня и двух заводных. С собой человек десять. Сей же час, не мешкая, скачи в Константинополь. Без отдыха лети. Поесть захочется – не останавливайся, на ходу ешь. Спи тоже в седле. И напрямик к отцу Мефодию. Чую я, что таким знатным угощением не только меня одного патриарх побаловать задумал.

Затем он снял с пальца перстень и протянул его Николке, пояснив, что и как надлежит с ним делать.

– Постой, – остановил уже выходящего из шатра Николку Ватацис. – Пусть уж он лучше на моих колесницах летит, – обратился он к Вячеславу. – Там, конечно, тоже удобства мало, но хоть выспаться сможет, а возницы друг друга по очереди менять станут. – И, не сумев сдержать улыбки оттого, что хоть здесь он оказался прав, добавил: – Как видишь, воевода, и колесницы мои пригодились.

– Это уж точно, – не стал спорить тот.

Уже через несколько минут сразу три боевые колесницы неслись во весь опор в сторону могучей столицы Византийской империи.

Любим же, оставленный для присмотра возле владыки Мефодия, строго следовал всем указаниям воеводы, которые тот дал ему перед отъездом. Он сопровождал митрополита повсюду, даже, смешно сказать, в отхожее место. Особенно внимателен был дружинник, когда владыка выезжал в город или его кто-нибудь навещал.

Причем, чтобы избежать каких-либо случайностей, он все время возил с собой небольшую плетеную бутылку, не позволяя митрополиту пробовать вино, кто бы его ни подносил.

– Ну это даже смешно, – выговаривал тот, когда дружинник вежливо принимал присланный митрополиту дар и непреклонно откладывал его в сторону. – Хиосское вино, к тому же присланное патриархом. Я могу его хотя бы попробовать?

«Ромеи – народ хитрющий, – немедленно вспомнил Любим последнее наставление князя, данное перед их с воеводой отъездом. – У них и яды такие же. Могут не сразу человека убить, а только через день или вообще через седмицу. Даже если тот, кто принес вино, сам вместе с тобой его распить хочет, все равно это ничего не значит. Он может и не знать, что в нем яд».

«А как же я это узнаю?» – спросил тогда дружинник у Константина.

«Ты же мысли умеешь читать у людей, вот и читай, – пожал тот плечами. – Потому я на тебя больше всех прочих и надеюсь».

«Читай, – с тоской вздохнул Любим. – Я бы с радостью, только не читается что-то».

То, что он совершенно не слышит никаких чужих мыслей, Любим обнаружил на следующий же день после взятия Константинополя. Проснулся, а в ушах тишина.

«Наверное, сказала бессонная ночь, – поначалу решил он. – Пройдет. Не сегодня, так завтра пройдет».

Однако день шел за днем, а ничего не проходило. Одно хорошо – врать почти не приходилось. Только раз Вячеслав как-то мимоходом спросил Любима, что там думает патриарх Герман и почему он так тянет с возведением владыки Мефодия в патриарший сан.

Пришлось покривить душой и сказать не то, что думал Герман, а то, что предполагал сам Любим.

– В скорби он, воевода. Печаль у него по умершему императору. А каких-либо коварных помыслов он не имеет. Не до того ему ныне.

Сказал он это, и даже сам в том уверился.

– Ну и хорошо. Но если что – сразу мне скажешь, – предупредил воевода и больше к этому разговору не возвращался.

И не знал Вячеслав, что слукавил бывший деревенский парень из рязанского селища Березовка, давая такой ответ, ой как лукавил. На самом деле не знал Любим, что сказать и что ответить.

«Может быть, это потому, что я так далеко от Берестянки оказался? – уныло гадал он, глядя, как волны Мраморного моря или Пропонтиды, как его называли ромеи, одна за другой набегают на плиты дворцовой пристани. – А может, она просто обиделась на меня за то, что давно не навещал ее в лесу. А как тут вырвешься, когда князь с прошлого лета меня повсюду за собой таскал?»

Он даже и подумать не мог, что незадолго до их отплытия в Константинополь монахи, которые по повелению владыки Мефодия и с разрешения князя Константина основали близ заветного леска свою обитель, обратили внимание на стройную березку, стоящую в окружении дубов-великанов прямо на опушке.

Оно, конечно, чтобы подтапливать печь в единственном, на скорую руку срубленном доме да в малой церквушке, дров и без нее в избытке. Такие сухостои лежали – не только до лета, которое совсем рядом, а и на два-три года вперед хватило бы.

Смутило же одного из них, настоятеля Илию, красивое убранство, которое висело на этой березе. Просто так деревья нарядными лентами никто перевязывать не станет, не для того за них куны на торжище плачены. Стало быть, не простая она, ох, не простая. По всему видать, живут поблизости от нее закостенелые язычники, кои по своему неразумию не истинному богу молятся, а пням да ручьям норовят поклониться.

Поначалу он повелел дерево не трогать, решив выждать, кто к ней молиться придет, да и схватить язычника с поличным. Однако сколько они ни ждали – все впустую. То ли идолопоклонники от старости вымерли, то ли истинную веру приняли.

А тут и Пасха подошла. За несколько дней до светлого двенадцатого праздника Илия, почесав в затылке, рассудил, что оставлять оную березу, дабы она омрачала пресветлый лик храма, негоже, и повелел Остии, самому молодому иноку, срубить поганое древо.

Вечером уже, узнав, что все сделано, он еще и пожурил паренька за то, что тот проторчал весь день близ нее, в наказание поставив его голыми коленками на горох. Пушай все-нощную до утра служит во славу пресвятой девы Марии.

Остия оправдываться не стал, хотя мог. Ему изначально пришлось не по душе это повеление. Ноги не несли, топор из рук постоянно вываливался, а силы будто и вовсе в теле не было.

Кое-как он все же дошел до березки, но вместо того чтобы не мешкая приняться за дело, сел поблизости на пенек и впал в греховное раздумье: «И почто игумену понадобилось ее губить? Жертвы, говорит, ей приносят язычники. А какой и кому от того убыток? Эвон, краса какая. Сама в душу лезет».

Затем инок сердито отмахнулся от бесовского наваждения и тяжелым шагом двинулся к березе. Поплевав на руки, Остия замахнулся топором, с размаху всадил острое лезвие в ствол, а оттуда...

Инок даже глазам не поверил. Ну не бывает березового сока в таком обилии. А тот все тек без остановки, к тому ж странный какой-то. Обычно-то он прозрачный, как слеза у ребятенка, а этот чуть замутненный да...

Остия пригнулся, чтоб поближе глянуть, и тут же отшатнулся в страхе. Не муть то была – кровь алая. Перекреститься бы, да рука выше пояса не поднимается. Да еще в боку боль какая-то режущая появилась, будто не он рубил, а ему острым лезвием чуть пониже ребер саданули, причем со всего маху.

Потом, чуть переведя дыхание, еще раз пригляделся и... вздохнул с облегчением. Из ствола бежал чистый сок, а краснотой отдавал оттого, что заходящее солнышко бросало свои багровые блики прямо на деревце.

Правда, боль в боку все равно оставалась, но это ничего – пройдет. Сызнова взял Остия в руки топор, вновь рубанул да тут же и брякнулся на прошлогоднюю листву. То, что в его теле опять появилась точно такая же острая боль, – пустяк. Гораздо страшнее боли оказался горестный стон, который он услышал. Было от чего ужаснуться. И добро бы, если бы этот стон каким-нибудь злобно-скрипучим оказался, как нечисти и положено, а то чистый, тоскливый и... юный. Ну, ни дать ни взять, девку молодую топором огрел. И что делать, как быть?

Да если бы она просто простонала, а то ему еще и слова слышались. Будто вопрошала его березка:

– За что?

Руку к груди поднес, крест нащупал – вроде полегчало немного. Посидел недвижно, дожидаясь, пока нарастающее ожесточение и глухая злоба всю душу не заполонят, после чего вскочил на ноги и, не давая себе задуматься, принялся отчаянно рубить.

А в ушах-то стоны, а во всем теле – боль пронзительная, но Остия – шалишь – на бесовщину уже не поддавался – махал и махал топором без усталости. Одной рукой обходиться ему было неловко, но и вторую от нагрудного креста отнять боязно. Тем не менее как-то исхитрился закончить свой труд.

Упав на колени, хотел было благодарственную молитву вознести за то, что подсобил ему господь в своей неизбывной милости, помог устоять и одолеть, да первым же словом и поперхнулся. А кого одолеть-то? Нечисть? Так разве может она плакать по-детски? Да и кровь у нее, как игумен Илия сказывал, зеленая да вонючая, аки тина болотная, а тут...

Так и простоял Остия до самых сумерек. Уже во тьме кромешной, не глядя – да и чего в потемках узришь, нащупал срубленное деревце и, бережно подняв на руки, понес его. Чудно, конечно. Ему бы ликовать оттого, что одолел столь великое искушение, а у Остии на душе саднило, словно он чего-то столь дорогого лишился, чего уже никогда в его жизни не будет.

«То искушение бесовское», – думал сердито и сам на себя злился за то, что не мог удержать слез.

Так, хмурый да зареванный, он и вернулся в монастырь, но и там искус не закончился. Все так же болело что-то в душе, а уж тоска такая, что хоть иди да в Оке топись, благо она почти под боком течет. Да тут еще и мысли крамольные в голову так и лезли все время, будто кто их со стороны ему нашептывал.

«Ну, язычники – так и что ж? Пускай себе. Ты им словом внушение сделай, а рубить-то зачем? Отец Илия сказывал, что все их идолы в кумирнях – суть дерево мертвое, и кланяются они ему по глупости своей и неразумию, так что срубить их – единая польза не только для самого христианина, но и для того же язычника, ибо тем самым ты показываешь ему, что он кланялся деревяшкам, в коих нет ни жизни, ни души. Так-то оно так, да ведь и иконы тоже на дереве писаны. Ежели тот же язычник порубит их топором да бросит в огонь – сгорят сразу, лишь пепел оставив. Но они же этого не делают, чужую веру уважают. Стало быть, что же они – лучше нас получают? А мы тогда с ними почему так себя ведем?» – спросил он,

обращаясь к лику Николая угодника, сумрачно глядящему на него, и вновь в страхе зажмурил глаза. Лицо святого явственно кривилось в злой недоброй усмешке.

Остия открыл глаза, еще раз повнимательнее присмотрелся к образу святого и вновь утер пот со лба. Опять показалось. Избу-то рубили второпях, вот и недоглядели, плохо проконопатили щели. Сквозняк, что через них пробивался, беспрепятственно гулял по всему помещению и время от времени доставал до лампы, отчего ее огонек склонялся то в одну сторону, то в другую. Потому и освещал он иконку по-разному, а ему, Остии, невесть что блазнится.

Монах задышал спокойно, уверенно и даже произнес первые слова молитвы:

– Отче наш, иже еси на небеси. Да святится имя твое...

И снова замолчал, все тот же стон услышав. Только на сей раз он был совсем негромким. Так не от боли плачут – с миром прощаются...

Когда монахи пришли звать его на заутреню, Остия в беспамятстве лежал, а в печке братья крестик его обугленный обнаружили, который так и не сгорел полностью.

«Не иначе как в безумие впадоша», – порешил отец Илия и повелел одному из монахов, знающему толк в травах и какие молитвы при этом следует читать, принять инока на излечение. Он и сам не забывал время от времени проведать болящего, прочесть жаркую молитву за его выздоровление да причастить святых тайн.

Словом, встал Остия. Через месяц начал потихоньку ходить, но еще долго ни с кем не говорил. Однако лето застало его почти выздоровевшим. Не иначе как господь смилостивился над грешником и отпустил ему неслыханное кощунство.

Тут бы иноку и постриг незамедлительно принять, посвятив весь остаток жизни служению вседержителю, а он вместо того – ох и велика человеческая неблагодарность – вовсе ушел из монастыря куда глаза глядят. Ушел, ничего с собой не взяв. Даже новый нательный крестик, который ему, болезному, отец Илия вместо прежнего на грудь повесил, оставил. Видать, здравие телесное к нему воротилось, а с душевным повременил господь.

Именно в ту тяжкую для Остии ночь Любим и перестал слышать все людские мысли. Совсем перестал, будто и не было с ним такого никогда.

Конечно, можно поставить молодому дружиннику в упрек его упорное нежелание рассказать все как есть воеводе. Да и не думал Любим, что тот его не поймет или станет в чем-либо обвинять. Скорее всего, Вячеслав просто махнул бы рукой. Нет, так нет.

Вот только нынче узнает воевода, а едва они только воротятся из далеких странствий, и князь о том проведает. По всей видимости, и он тоже Любима понял бы, но тут речь о другом – о том, что в числе самых ближних после этого он парня держать не станет. Советников, умудренных опытом, у него и без того в избытке – на что ему Любим нужен? Это сейчас он один-одинешенек, и никто его заменить не в силах, потому как только ему чудесный дар даден, а узнай князь, что лишился он его, и что тогда?

К тому же в душе у него еще теплилась надежда на то, что вернется он из Царьграда домой, выпросится у князя в свою Березовку, и первым делом в заветный лесок примчится.

Упадет Любим перед белоствольной красавицей на колени, повинится, что не навещал ее, навяжет на руки-ветви яркие ленты, опояшет ствол узорчатым пояском, авось и смилостивится Берестянка. Не каменное же у нее сердце, должна она простить неразумного. Ну а пока надо как-то продержаться.

Потому теперь, став таким же, как и все прочие, он пытался восполнить внезапно образовавшуюся в голове тишину своим старанием.

На очередной встрече владыки Мефодия с патриархом Германом, которая состоялась в Магнавре, Любим тоже присутствовал. Единственная поблажка, которую себе выхлопотал патриарх Царьграда, состояла в том, чтобы владыка Мефодий удалил свою собаку,

изрядно действовавшую ему на нервы. А вот дружинник, как патриарх ни морщился, покидать небольшую палату не собирался.

Вино, которое Герман гостеприимно предложил Мефодию, Любим, виновато улыбнувшись, самым решительным образом отодвинул в сторону и налил в оба кубка своего, провренного, из императорских кладовых.

После непродолжительной беседы Герман, понявший, что от назойливого дружинника никак не удастся отделаться, выдвинул идею сходить в храм Святой Софии, дабы вознести молитву за победу войска Иоанна Ватациса над всеми врагами.

– Лишь бы все хорошо было, – заявил он. – А уж в патриарший сан я вас возведу сразу после прибытия императора в город.

– А как же прочие патриархи? – обрадовался, но в то же время удивился владыка Мефодий.

– Я так полагаю, что достаточно их согласия и благословения, которое они уже прислали, – ответил Герман.

Вот тут Любим заколебался. Что важнее – остаться, дабы присмотреть за тем, чтобы никто ничего не подсыпал в кубки или еду, или сопровождать владыку Мефодия в храм? Наконец решив, что еда с питьем важнее, он вызвал еще двух дружинников и перепоручил им сопровождать владыку Мефодия, куда бы он ни пошел.

Он еще инструктировал обоих парней, когда Герман бросил короткий, но очень выразительный взгляд на приземистого служку с туповатым выражением одутловатого лица. В ответ тот молитвенно сложил руки перед грудью и слегка склонился в понимающем поклоне.

Для того чтобы перейти из Магнавры в Святую Софию, было вовсе не обязательно выходить из дворца и пересекать Августеон. Туда вели специальные двухэтажные переходы, через которые любой человек мог попасть сразу в катихумены – галереи, расположенные на втором этаже храма. На них размещался и мутаторий, в котором во время торжественных богослужений находился сам император.

Когда все вышли из палаты, Любим выбрал себе кресло поудобнее и уселся в него, настроившись на долгое ожидание. И стол, и его содержимое было на виду, к тому же в помещении он оставался один, а дверь, ведущая в храм Святой Софии, находилась как раз напротив, так что незамеченным через нее никто бы не прошел.

Однако не прошло и десяти минут, как большая мозаичная картина с изображением мученика Пантелеймона подалась назад, образовав в стене небольшую щель. Затем щель расширилась, открывая проход в какой-то узкий темный коридорчик. Тотчас же из него в комнату бесшумно выскользнул приземистый служка с одутловатым лицом.

Любим еще продолжал мечтать, как он появится перед Берестянской, и размышлял о том, что бы такое сказать ей, чтобы она ему поверила, когда чья-то потная рука резко запрокинула его подбородок, и острое жало тонкого венецианского стилета вошло дружиннику аккуратно в сердце.

Он еще успел увидеть березку, только почему-то срубленную, и поздняя догадка обожгла его сердце непереносимой болью... Или все-таки это была ледяная сталь клинка, которую ловко провернула чья-то безжалостная рука? Кто ведает...

Служка неторопливо обошел кресло и несколько мгновений, склонив голову, молча смотрел на мертвого Любима. Потом, будто очнувшись от оцепенения, он подошел к столу, высыпал в кубок константинопольского патриарха какой-то белый порошок, слегка взболтал его и вновь подошел к креслу.

Неторопливо вытащив из груди дружинника стилет, служка деловито и аккуратно вытер его о синие штаны русича и, задрвав старенькую заношенную рясу, сунул стилет обратно в ножны, прикрепленные к левой лодыжке. Затем он слегка приподнял неподвижное тело, без видимых усилий взвалил его себе на плечо и направился обратно к изображе-

нию мученика Пантелеймона. Едва он шагнул в узкий коридорчик, как мозаичная картина начала сближаться со стеной.

Пришедшие из храма Герман, Мефодий и люди, которые их сопровождали, застали пустую комнату, в которой все по-прежнему находилось на своих местах, вот только никого в ней не было.

– А где же Любим? – удивился владыка Мефодий, изумленно оглядывая все вокруг.

– Наверное, вышел куда-то, а может, вызвал его кто-нибудь, – предположил Герман и пренебрежительно махнул рукой. – Да появится он, куда ему деться.

– И то правда, – засмутился владыка Мефодий. – Чего-то я уж... – Он, не договорив, виновато улыбнулся и жестом отпустил обоих дружинников, заметив им: – Ежели повстречаете его, то пусть он шибко не торопится.

Один дружинник двинулся обратно в свою казарму, расположенную в палатах Халки, а второй, помявшись, предложил:

– Я пожалуй, побуду тут еще немного.

– Да я отсюда все равно никуда не денусь, – начал сердиться Мефодий, но был остановлен патриархом:

– Очевидно, они получили соответствующий приказ от вашего Любима, – заметил он. – Приказ же воину надлежит выполнять. Да и не думаю я, что он в чем-то помешает нашей беседе.

– Ну, раз вы настаиваете, – развел руками Мефодий и кивнул дружиннику, давая понять, что разрешает ему остаться.

В это время где-то поблизости раздался грохот, и в комнату влетел Упрямец. Следом показался сконфуженный дружинник.

– Я же просил, чтобы его пока не выпускали, – с упреком обратился к нему Мефодий.

– Да я только на мгновение дверь открыл, чтоб еду принести, а он как рванулся, – оправдывался тот.

– Вы уж простите его, – обратился Мефодий к Герману, с опаской наблюдавшему за собакой, что-то сосредоточенно вынюхивающей на полу. Не обращая ни малейшего внимания даже на своего хозяина, Упрямец дважды обошел кресло, в котором Любим сидел в последние минуты своей жизни, затем подошел к мозаике с мучеником Пантелеймоном, вынюхивая что-то, после чего злобно уставился на служку с одутловатым лицом и угрожающе зарычал.

– А ну-ка, сидеть! – строго прикрикнул на пса Мефодий.

Упрямец вздохнул, грустно посмотрел на бестолкового хозяина, но послушался, хотя и с явной неохотой, продолжая тихонько поскуливать. Если бы он мог говорить, то непременно сказал бы, что в комнате явно пахнет смертью, особенно от этой вот стены. Он даже может показать, от кого она исходит, да он уже и говорил это, вот только его хозяин так ничего и не понял.

А может, он сам ошибается? Пес еще раз принюхался. Нет, определенно, запах смерти исходил не только от служки с одутловатым лицом и не только от стены. Он шел еще откуда-то, вот только откуда именно?! Упрямец склонил голову набок и задумался, откуда бы это ему идти?..

– Ну вот он и успокоился, – усмехнулся патриарх. – А не отведаешь ли нам этого замечательного вина, которое ваш старательный воин разлил нам по кубкам? – как-то по-простецки заметил он.

– Отчего же нет, – охотно согласился Мефодий и потянулся к своей посудине.

– Э-э, нет, – на полпути перехватил его руку Герман. – Думаете, я не догадался, отчего ваш Любим не позволил вам опробовать моего замечательного хиосского? Кстати, точно такое же вместе с другими припасами я несколько дней назад отправил войску императора.

Надеюсь, что он угостит им вашего воеводу и его храбрых людей. Но дело не в этом. Просто ваши верные слуги так опасаются за ваше здоровье, что не доверяют даже мне.

– Но он ведь сам разлил его по кубкам, – возразил Мефодий.

– Разлил и ушел, оставив стол без присмотра. Откуда вы знаете – возможно, неизвестный злоумышленник успел за это время войти сюда и что-то подсыпать вам в кубок, – резонно заметил Герман. – Давайте поступим иначе. Вы сейчас возьмете мое вино, а я ваше.

Упрямец заволновался, начал перебирать лапами.

– А вдруг и правда что-то подсыпано, – беспокоился Мефодий. – Получится, что я...

– Даже слушать не хочу, – резко взмахнул свободной рукой Герман, протягивая свой кубок Мефодию.

Упрямец зарычал. Он начал догадываться, откуда исходит запах смерти. И на этот раз служка уже был ни при чем.

– Вот когда у нас с вами будет одинаковый сан, тогда и будете возражать, а сейчас вам придется мне подчиниться.

Упрямец подобрался. Хозяин явно не понимал, что ему предлагают... смерть. Но он-то это знал, а значит...

– Ну, если уж вы так настаиваете, – нехотя согласился русский митрополит. – Но тогда с неременным условием, что сразу после этого вы меня угостите своим замечательным хиосским.

– Обязательно и с огромным удовольствием, – приторно улыбнулся Герман. – А теперь прошу.

Мефодий протянул руку, но принять кубок не успел. Прыжок Упрянца прямо с места был точен, и в следующее мгновение пес вонзил зубы в кисть константинопольского патриарха, которая держала кубок.

– Собака! – истошно, каким-то бабьим голоском завизжал Герман. – Уберите собаку! Она же убьет меня!

– Упрямец! Фу! – отчаянно закричал Мефодий, пытаясь оттащить пса, но не мог с ним справиться. – Что ж ты творишь-то! Отпусти, я тебе говорю! – Но Упрямец, полностью оправдывая свое прозвище, продолжал мертвой хваткой висеть на руке константинопольского патриарха.

Все присутствующие в каком-то оцепенении смотрели на эту сцену. Первым очнулся от временного столбняка один из служек Германа. Почти молниеносно выхватив откуда-то снизу узкий стилет, он метнулся к Упрямцу.

– Не-е-е-ет! – закричал Мефодий, но служка, не обращая на это ни малейшего внимания, ловко сунул стилет под брюхо пса, вспоров его живот чуть ли не до самого горла.

Упрямец жалобно завизжал, выпустил руку патриарха и свалился на пол. Почти тут же под ним образовалась кровавая лужа, а из распоротого живота показались внутренности.

Мефодий рухнул рядом с ним на колени но, опасаясь, как бы не сделать хуже, только робко водил дрожащими пальцами по собачьей голове.

– Он бешеный! – тоненьким бабьим голоском продолжал визжать Герман. – Я же предупреждал, предупреждал!..

Дружинники, подавленные случившимся, вынесли издохшего Упрянца прочь. На протяжении всего этого времени владыка Мефодий так и не издал ни единого слова. Он даже с колен поднялся не сразу, а после того, как ему об этом напомнили, и теперь продолжал сидеть на своем кресле, тупо уставившись на мозаичную картину, на которой мученика Пантелеймона продолжали терзать жестокосердные римляне. Один из русских дружинников, который так и не покинул комнаты, так же молча стоял возле его кресла, решив после всего случившегося не покидать своего митрополита ни на мгновение.

Герман поднял кубок, выпавший у него из руки во время нападения Упрямца, с сожалением заглянул вовнутрь и удовлетворенно кивнул, заметив что треть содержимого еще уцелела. Он немного подумал, затем твердо поставил его на стол перед Мефодием, потом взял свой и жестом указал служке, чтобы тот наполнил оба.

– Не из того, – поправил он монаха, который ухватил было принесенный с собой бочонок. – Я нынче в гостях, поэтому будем пить вино хозяина. И не просто пить, – он внимательно посмотрел на Мефодия и с сожалением вздохнул. – Владыка Мефодий! – окликнул он митрополита, по-прежнему пребывавшего в оцепенении.

– Что? – очнулся наконец тот, усилием воли отгоняя от себя горестные раздумья. – Ах, да. Конечно, конечно. Поверьте, я сам в ужасе от случившегося. До сих пор не пойму, что произошло с псом.

– Пустое, – примирительно кивнул патриарх. – Разумеется, я вам верю. Никто сознательно его на меня не натравливал, а то, что он взбесился в такой неподходящий момент, так это просто случайность, не более. Я предлагаю осушить мировую. Кажется, так говорят у русичей?

– Да, у нас говорят именно так, – подтвердил Мефодий, принимая кубок от патриарха.

– Мы отведаем этого славного вина и забудем все, что случилось, – продолжал Герман.

– Наверное, он... – вновь начал было пояснять митрополит, но затем махнул рукой и замолчал.

Вместо этого он решил, что выпьет сейчас не на мировую, как предложил патриарх, а почтит этим вином светлую память Упрямца. Однако почтить не удалось. Из-за спины к Мефодию протянулась чья-то крепкая рука, которая властно перехватила кубок.

Над ухом раздался голос:

– Дозволь, владыка, попросить тебя не спешить пить это вино.

Мефодий оглянулся и изумленно отпрянул.

– Ты ли это, отрок Николай?!

– Он самый, – хрипловато произнес Торопыга.

Белки глаз у спецназовца были налиты кровью оттого, что он последние трое суток кряду почти не спал, торопя возниц. Николка оправдал свое прозвище, успев предупредить самое главное несчастье. Кубок Мефодия был налит вином почти доверху, поэтому проверить его содержимое для Николки оказалось парой пустяков.

К тому же еще на подходе к комнате он повернул свой перстень камнем вниз и теперь просто ухватил кубок не за витую ножку, а за верхние края, касаясь камнем поверхности вина. Так он его и поставил на стол, после чего украдкой взглянул на перстень и чуть не вскрикнул.

Нет, Николка, конечно, помнил то, что ему говорил воевода, – как проверять еду и вино, каким может быть цвет у камня, если что-то отравлено, и все прочее. Но одно дело – выслушать все на словах, и совсем другое – воочию увидеть, как ярко-алый цвет камня вдруг исчезает, на глазах преобразуясь в болезненную голубизну, затем становясь тускло-синим, не останавливаясь на нем, темнеет все дальше, пока не достигает зловещего фиолетового тона, густо замешанного на черноте. Тем не менее сдержать свое удивление он сумел.

– Вино отравлено, – буднично произнес он и быстро спросил Мефодия: – Владыка, откуда вам наливали его и кто?

Удивленный митрополит молча указал на тяжелую амфору, а затем на служку с одутловатым лицом.

– Но его принес сам Любим, – добавил он.

– К тому же этот кубок изначально предназначался мне, – встрял в разговор патриарх. – Мы просто ими обменялись. Выходит, кто-то хотел отравить именно меня?! – ахнул он испуганно.

Николка прищурился и хмуро засопел.

– Разберемся, – мрачно пообещал он и, многозначительно глядя на Германа, добавил:  
– Во всем разберемся.

Патриарх встал из-за стола и, горделиво выпрямившись, заявил:

– Если меня тут, невзирая на священный сан, подозревают в столь страшном грехе, то я...

– Да какие там подозрения, – бесцеремонно перебил его Торопыга. – Это я выясню, дабы было что пояснить нашему воеводе, когда он приедет.

– А он жив?! – вырвалось у патриарха, но Герман тут же поправился: – Я имел в виду, его не убили в сражении?

– Его не убили в сражении, – спокойно ответил Николка. – И отравить его тоже не получилось. К тому же тот, кто поднес ему яд, уже схвачен, так что он-то нам все и скажет.

Герман осекся. Торопыга же продолжал свое следствие. Вел он его совершенно неумело, но компенсировал это старательностью и дотошностью к мелочам. Словом, в точности так, как советовал воевода. Особенно его заинтересовал стилет служки и загадочное поведение Упрямца.

– Стало быть, возле этой стены он вертелся, – задумчиво протянул Николка, склонившись над мозаикой. – Я Упрямца немного знаю, – бормотал он, медленно проводя пальцем по краю картины. – Упрямец – добрый пес. Такой вертеться где не надо просто так не будет, да и кусать кого ни попадя тоже не станет.

И тут служка с одутловатым лицом не выдержал. Некоторое время он бочком поддвигался к Торопыге, а затем, схватив со стола стилет, кинулся на дружинника и тут же взвыл от боли, держась за руку, из которой торчал широкий нож.

– Молодец, Родион, – одобрительно заметил Панин дружиннику, стоявшему у самого входа.

Выпрямившись и ухватив служку за шиворот, он выдохнул ему в лицо:

– Ты у меня теперь все скажешь. И куда Любим делся, и что с ним, и про яд... Погоди-ка, – нахмурился он от пришедшей в голову мысли. – А ведь ты не просто так на меня кинулся – ударить задумал. А куда? Неужто к этому святому?

И тут он с силой дважды ударил служку головой об мозаику. От ударов часть слюдяных кусочков вылетела из своих пазов, обнажив не штукатурку стены, а деревянную поверхность.

– Точно, – констатировал Торопыга. – Теперь нам совсем просто будет.

– У меня разболелась рана, – буркнул патриарх. – Я хочу уйти в свои покои.

– А я и не держу, – удивленно развел руками Торопыга.

– И я хочу забрать всех своих людей, – властно произнес он.

– Кроме этого, – сразу оговорил Николка, указывая на служку, который бессильно обвис, потеряв сознание.

– Всех, – повторил патриарх. – Он – духовного звания и потому подлежит только духовному суду.

– А это как скажут наш воевода и ваш император, – остался непреклонным Торопыга.

– Владыка Мефодий, повелите своему человеку освободить моего монаха, – сделал Герман последнюю попытку.

– Мне ратные люди не подчиняются, – сокрушенно развел тот руками. – Да и не след мне, как лицу духовному, влезать в светские дела.

– Разве может быть патриархом человек, который не имеет ни малейшего влияния на людей, пусть и вооруженных? – задал Герман риторический вопрос и сам же на него ответил:  
– Нет.

– На все воля божья, – непреклонно заявил Мефодий.

Как выяснилось всего через несколько дней, правым оказался он.

Иоанн, все-таки осуществивший свой триумф, для которого ему вполне хватило оставшейся колесницы, сзади которой, как в старые добрые римские времена, угрюмо шел связанный Феодор, уже на следующий день занялся самыми неотложными делами. Первым из них было выполнение обещания, данного рязанскому князю и повторенного воеводе Вячеславу.

Патриарх, который вроде бы заранее подготовился к тяжелому и нелицеприятному разговору, был все-таки ошарашен тем напором, с которым на него обрушился Ватацис.

– Я собираюсь честно сдержать свое слово. А дано оно было в том, что я не надену на свою голову императорскую корону до тех пор, пока меня не сможет поздравить и благословить патриарх всея Руси.

– Неужто императору мало благословения одного константинопольского патриарха? – осведомился Герман.

– Уж больно нынче тяжелые времена для империи. Враги со всех сторон. В такие времена для надежности лучше получить благословение сразу двух патриархов. Только тогда мое царствование будет успешным, – парировал Ватацис.

– У императора Роберта их было сразу три<sup>59</sup>, однако это ему не помогло, – заметил Герман.

– Кроме того, я не хочу начинать свое правление с нарушения обещаний.

– Мы можем избрать на эту ответственную должность другого человека, – попробовал предложить компромисс патриарх, но Иоанн был неуступчив.

– А еще мне не хотелось бы начинать свое правление с казней и жестокостей, пытая монаха-отравителя, который был схвачен нами, – пристально глядя на Германа, заметил он. – К тому же судить надлежит не только его одного, но и тех, по чьему наущению он действовал. Да и тот служка, которого держат у себя в плену русичи, тоже, наверное, знает немало такого, что не принесет кое-кому пользы.

Эти два аргумента крыть было нечем, да Герман и не пытался. Ведь под угрозой был поставлен его собственный сан. Да что сан – жизнь. Он и сопротивлялся теперь лишь затем, чтобы сохранить то возможное, что еще можно было уберечь.

– И кого же ты собираешься судить, сын мой? – вкрадчиво осведомился патриарх.

– Я?! – удивился Ватацис. – Я – никого. Полагаю, что до суда дело дойти не успеет. Достаточно только представить, как взвоется константинопольская чернь, если я выведу его на улицы и скажу, что этот человек хотел подло умертвить воеводу русичей, который вместе со мной только что спас город! А если я скажу, что он сознался, и назову имена, то что толпа сделает со всеми ними?

– Ты пойдешь на это?

– Мне хватает и иных забот, – вздохнул Иоанн. – Венецианцы и рыцари-крестоносцы по-прежнему угрожают городу. Поэтому мне бы хотелось решить все гораздо проще. Как-никак, оба отравителя имеют духовное звание, к тому же по счастливой случайности все-таки никто не умер, а потому я лучше отдал бы их на строгий духовный суд константинопольского патриарха.

– Да, это самый простой способ, который был бы удобен для всех, – подтвердил Герман.

– Пожалуй, я так и сделаю... на другой день после того, как русский владыка Мефодий станет патриархом. Да и воевода Вячеслав пообещал мне помочь разделаться с врагами только при условии, что благодарственный молебен о его победе отслужит сам патриарх. Отслужит и благословит его.

---

<sup>59</sup> Когда в 1211 г. умер венецианец Фома Моросини, первоначально избранный патриархом Латинской империи, французская и венецианская партии, так и не сумев договориться между собой, избрали каждая особого патриарха, а кроме того, тосканцы противопоставили венецианскому патриарху еще и своего.

– Я готов, – кротко склонил голову Герман.

– Я не думаю, что Вячеслав согласится принять благословение *от тебя*, – насмешливо хмыкнул Иоанн. – Ему нужно, чтобы к нему прикоснулась длань патриарха всея Руси Мефодия I.

Герман прикусил губу и с тяжким вздохом произнес:

– Я представляю всего-навсего власть духовную, а потому не могу противиться повелению императора, пусть и будущего.

– *Это тебе рассказал сам Ватацис? – спросил Константин.*

– *И с непременным условием клятвы на кресте, что все то, о чем мы узнали от схваченных монахов, останется тайной, которую можно будет открыть лишь после смерти.*

– *После смерти Германа? – уточнил Константин.*

– *Именно, – кивнул воевода. – Кстати, когда мы уже отплывали, Герман все-таки попытался меня благословить. Даже руку для поцелуя протянул, – зло усмехнулся воевода.*

– *А ты?*

– *А я, – Вячеслав чуть помешкал, но затем, покосившись в сторону Святослава, решил, что лучше не цитировать произнесенный им ответ, и кратко произнес: – Я отказался.*

– *А он? – не унимался Константин.*

– *Он, – воевода насмешливо хмыкнул. – Он утерся.*

## Глава 4

### Последняя княжеская битва

– А что, батюшка, вот тот Ватацис, что императором Византии стал, – он по правде престол занял или потому, что ты ему подсобил? – осведомился Святослав.

– Ему старый император свой трон завещал, – ответил Константин. – Получается, что по правде.

– Выходит, тебе тяжелее пришлось, – задумчиво констатировал Святослав и пояснил свой вывод: – Тебе-то никто ничего не завещал.

– Ну почему, – поправил Константин сына. – Все старшие князья на святом кресте перед митрополитом роту дали, что отдадут корону тому, кто сумеет с крестоносцами управиться. Это ведь тоже почти как завещание получается.

– Так ведь они все потом на Калке погинули, а сыны их такой роты не давали, – возразил Святослав. – К тому же у них в Царьграде басилевс – обычное дело, а ты у нас самым первым стал. Ведь до тебя царей на Руси не было. Нет, тебе потяжелее пришлось.

– Может, и так, – не стал спорить Константин. – Хотя и не сказать, что прямо так уж тяжело.

– Да как же нет, когда у тебя вон еще до венчания на царство куски от Руси рвать стали. И не токмо князья, но и короли.

– Было дело. Хотели поживиться, – кивнул Константин задумчиво, и услужливая память почти сразу легко отнесла его в ту последнюю зиму, когда он еще носил титул великого рязанского князя.

Только-только была сыграна его пышная свадьба с Ростиславой, хотя злые языки и осуждали такую спешку – со дня смерти ее венчанного супруга Ярослава Всеволодовича не прошло и полугода.

В подтверждение своих слов злопыхатели ссылались на унылое осеннее небо, хмурившееся от беспросветных туч, уныло свисавших над землей. Дождь и впрямь начал моросить еще в среду, так что к воскресенью – день венчания – на всех улицах Рязани царила непролазная грязь. Да и потом, во время медового месяца, дождь больше чем на день так и не прекращался. Вот только счастливые новобрачные ни на что не обращали внимания.

Лишь один раз Константин, выглянув в окошко, радостно сказал, что сегодня тоже дождь, и пояснил удивившейся – чего же тут радоваться – Ростиславе, что такая погода им на руку, потому что, пока на дворе царит такая грязюка, он все равно не может заниматься никакими делами.

Новобрачные, занятые любовными утехами, даже не заметили, как теплую, хотя и чрезмерно дождливую осень плавно сменила зима. Была она немного чудной – то вьюга с крепким ядреным морозцем, то теплынь, затем опять холодало.

Ох, как не хотелось отрываться от горячих губ, нежных рук и желанного податливого тела, охотно откликающегося на любые причуды и затеи своего суженого, но – хочешь—не хочешь, а пришлось собираться в поход. Причем поначалу путь его лежал даже не в Киев – надлежало восстановить попорченную справедливость.

Дело в том, что, воспользовавшись смертью Мстислава Удалого и тем, что рязанский князь вначале залечивал раны, полученные в сражении с туменами Субудая, а затем решал свои сердечные дела, богатым и вечно непокорным Галицким княжеством завладел Александр Бельзский.

Он даже набрался наглости и еще по осени прислал Константину грамотку, в которой писал, что не держит обиды на рязанского князя за захват его исконной вотчины – Бельзского княжества, равно как и самого города.

Напротив, он, Александр, предлагает забыть все старые распри и жить как подобает добрым соседям. Были там и ссылки на худой мир, который, как известно, гораздо лучше доброй ссоры, были и цитаты из библии, но были и недвусмысленные намеки на могущественных союзников, которыми Бельзский успел обзавестись.

Действительно, если бы не помощь конницы и пешей рати венгерского короля Андрея II, подкрепленная мощным полком рыцарей младопольского Лешка Белого, которому Бельзский доводился шурином, то он ни за что не заполучил бы Галич. Оба соседа, не стовариваясь, предпочли видеть близ своих границ Александра Всеволодовича, а не могучего Константина Владимировича Рязанского.

На них, да еще на местных боярах, которым возможное правление рязанца было как кость в горле, строил свои расчеты князь. Мастеровой народ в Галличе Бельзского не поддерживал, но помалкивал и голоса против поднимать не спешил.

Сам же Бельзский хорошо помнил, что он не какой-то там удельный властитель, а внук великого киевского князя Мстислава II Изяславича и Юдифи, дочери польского короля Болеслава III Кривоустого. И не просто помнил – он и Константину заявлял об этом, указывая, что с такой родословной, как у него, владеть чем-то меньшим попросту зазорно. Честь его, Бельзского, предков ко многому обязывает и самого князя.

При этом, опережая возможные претензии Константина на наследство, он вдобавок ссылался и на лествичное право, по которому женщина не имела никаких прав на отцовское наследство, следовательно, и муж ее тоже. Что и говорить – намек был более чем прозрачным. Мол, раз Мстислав Удатный скончался, не оставив после себя ни одного сына, стало быть, княжество теперь бесхозное.

К тому же, указывал далее Александр, у Мстислава имелись три дочери, и он, войдя в Галич по доброй воле горожан и местных бояр, как раз собирается жениться на самой младшей – Елене. Так что по всем статьям выходит, что княжество его и он «сел в нем крепко».

И еще одно письмоцо пришло почти одновременно с посланием Бельзского. Буквицы в нем были по-детски крупные и не совсем уверенные. Адресовано оно было княгине Ростиславе, причем гонец вначале привез его в женский новгородский монастырь на Молоткове, а уж потом письмо прибыло в Рязань.

В нем маленькая Еленка, самая младшая из дочерей Мстислава Удатного, просила помолиться за несчастную сироту, которой в ее беде нет спасения и нет ни от кого заступы. Даже уйти в монастырь, чтобы избежать столь тяжелой участи, как замужество со страшным стариком-князем, ей не позволяют.

– Ты – мой супруг. Коли батюшка наш богу душу отдал и ни дядьев, ни братьев тоже нет, стало быть, ты нам всем троим теперь отца вместо, – произнесла Ростислава срывающимся голосом.

Больше она ничего не сказала, лишь смотрела. Взгляд был строгий и в то же время грустный.

– Да не печалься ты так за нее. Поможем мы горю твоей Еленки, – обнял жену за плечи Константин.

– Я не за нее – за себя печалюсь, – вздохнула Ростислава. – Расставаться с тобой не хочу, а надо...

Отдав команду на сбор ополчения Вячеславу, успевшему уже отдохнуть после Царьграда, князь, особо ни на что не рассчитывая, написал в ответ, что до него дошла весть, будто княжна Елена удерживается Бельзским силой, а это негоже.

К тому же, если дитя лишилось родителей, то это не значит, что она стала сиротой. Есть старшая сестра, которая готова приютить малышку, так что надо бы отпустить девочку к Ростиславе.

Нагловатый тон очередного послания Александра Всеволодовича не столько возмутил, сколько рассмешил Константина. Очевидно, тот был абсолютно уверен – случись что, и венгерский король непременно придет ему на выручку. Потому новоявленный галичский князь и позволил себе напомнить Константину слова вековой давности, на которых сошлись все князья, съехавшиеся в далеком 1097 году в городе Любече: «Каждый да держит отчину свою».

На сей раз ответ рязанского князя был краток: «Ты крест честной целовал вместе с прочими, согласившись отдать мне царскую корону, если я прогоню немцев из северных волостей. Теперь исполняй мое повеление. Иди прочь из Галича, и тогда я тебе за послушание дам в кормление иной град. А ежели не увижу от тебя покорности своей воле, то сам приду к тебе. Но тогда на мою милость не полагайся».

Расчет был на то, что от подобного тона Бельзский придет в ярость и напишет резкий отказ в оскорбительной форме. Однако хитрый галичский князь поступил умнее. Он не стал отвечать вовсе, а рязанских гонцов силой удержал у себя. Однако его надежда на то, что Константин прождет ответа до весеннего таяния снегов, когда станет поздно что-либо предпринимать, не оправдалась. Рязанский князь отдал распоряжение полкам выступить буквально через неделю после отправки письма в Галич. А чего мешкать, когда и без того было ясно, что Бельзский добром не уступит.

Последняя трапеза перед выходом из Рязани была семейной – только Ростислава и сын Святослав. Константин сидел на ней непривычно молчаливый. Он выдохся еще с утра, доказывая своим самым ближним друзьям всю необходимость задуманного, включая не только захват Галича, но и торжественную коронацию в Киеве, которую предполагалось провести во время возвращения из похода. Как ни удивительно, на этот раз вся троица его друзей либо была настроена решительно против княжеских планов, либо...

– Я, конечно, как человек военный, выполню все, что ты скажешь, Костя, но, как говорила моя мамочка Клавдия Гавриловна, ты ухватил слишком большой кусок, которым можешь запросто подавиться, – осторожно заметил Вячеслав.

– Стало быть, ты тоже против?

– Ты спросил, я ответил, – пожал плечами воевода.

– Ну, наш патриарх по своей обычной схеме работает. Раз первый царь в той русской истории появился в 1547 году, то и нам надо дождаться того же времени, чтобы еще и этим не усугублять изменения истории...

– Сказано: «Не умножай сущностей сверх необходимости», – перебил Костю владыка Мефодий, который неделю назад самолично прибыл в Рязань, чтобы торжественно преподнести Успенскому, Спасскому и Борисоглебскому соборам святые дары, привезенные из Константинополя. – А я как раз не вижу этой вот необходимости.

– С тобой все ясно, владыка, – вздохнул Константин. – А ты-то чего, Слава? Или ты тоже необходимости не видишь? А ты чего молчишь, Михал Юрьич?

– А мою точку зрения ты знаешь, – пожал плечами изобретатель. – Князь, пусть даже и великий, это почти что президент. У него прав не намного больше. Так что от них до демократии рукой подать. А станет царь – тогда все! Хана!

– Хана будет, когда Батый придет, – парировал Константин. – Сразу скажу, что, исходя из исторической практики, у любого демократического режима шансов победить в войне, при прочих одинаковых условиях, намного меньше, чем при диктатуре. Это абсолютно точно. Демократы Гитлера никогда бы не одолели. Такое мог совершить только Сталин. Да

и вообще. У нас коллективное руководство редко было, но за это время мы проигрывали все, что только можно.

– А американцы? – взвился Минька.

– А что американцы? Ты назови хоть одну относительно приличную войну, в которой они победили.

– Ну, Вторая мировая, – неуверенно протянул изобретатель. – А что, они ведь тоже в ней участвовали? – взвился он, заметив саркастическую ухмылку на лице воеводы.

– В сорок четвертом, – кивнул Константин. – Когда нам до Берлина... – Он, не договорив, махнул рукой. – Знаешь, Миня, даже самый затюканный шакал, или нет, лучше чисто по-американски, так вот даже самый вонючий скунс может себе позволить пнуть пару раз ногой смертельно раненного тигра, когда его уже крепко держит за глотку могучий лев.

– А Война за независимость? Выиграли ведь!

– Только их генерал Вашингтон проиграл чуть ли не все сражения. А что касемо демократии, то я тебе так скажу. Если сейчас ограничиться великим княжением, то рано или поздно, но либо мои потомки, оказавшись слабаками, просто разбазарят верховную власть, либо найдется кто-нибудь из внуков-правнуков, причем не обязательно моих, кто эту корону все равно на себя напялит. И что тогда?

– А что тогда? – пожал плечами Минька.

– А тогда, Михал Юрьич, он все эти ограничения власти, которые я сам по доброй воле приму, сделал монархию изначально пусть и не конституционной, но весьма близкой к ней, просто отметет в сторону. А в свое оправдание скажет: «Мой дед был великий князь и потому слушал всякие советы своих лучших мужей, вводил городское самоуправление и прочее. Я же – царь, так что мне все советчики не указ. Что хочу, то и ворочу!» Так вот, я попытаюсь приучить народ не только к царю на троне, но и к осознанию того, что и простые люди при нем играют немалую роль и имеют весомые права, которые записаны в законе.

– Вообще-то, логично, – нехотя согласился Минька, но Константин, не обращая на это внимания, уже обернулся к воеводе. – Теперь давай с тобой разберемся. Почему ты считаешь, что Галич слишком велик для меня и я могу им подавиться?

– Ты же сам говорил, что Бельзского поддерживают венгерский король и князь Польши. Как его там – седой леший, кажется?

– Лешко Белый, – поправил Константин.

– Тем более ты сам сказал, что Бельзский – его шурин, а здесь родство ценится о-го-го. Получается, что мы ввяжемся в войну сразу против трех противников. Да, мы их разобьем, а дальше что? Они же не успокоятся. Выходит, впереди опять война. Нам оно надо? И непонятно еще одно – когда ты собираешься остановиться и где? Это я как раз про большой кусок. По-моему, уже пора, так что не лучше ли оставить Галич в покое? Мы что, без него не проживем?

– Нет, Слава, не проживем, – покачал головой князь. – Ты что же, так и хочешь остаться верховным воеводой Рязанского княжества? И что тогда будет? Да, ты, как человек военный, на Красных холмах близ Переяславля-Южного, да еще имея дополнительно пять тысяч дружинников, расколошматил бы Субудая намного увереннее и качественнее – это бесспорно. Но я думаю, что и в этом случае попотеть пришлось бы изрядно. А ведь там всего два тумена было. Ты вслушайся, Слава, всего два. А знаешь, сколько Батый с собой на Русь приведет?!

– Нам в училище говорили, что численность в пятьсот тысяч – завышенная. И триста – тоже слишком много. Как минимум вдвое меньше, если вообще хотя бы сотня тысяч наберется.

– Сотня тысяч наберется железно, даже больше. В войске, считая самого Батыя, тринадцать царевичей было – двенадцать внуков Чингисхана и его младший сын. А каждому из них командовать меньше чем туменом – обида кровная и умаление их достоинства и вели-

чия. Так что самый минимум – сто тридцать тысяч человек. А ты с кем против них выйдешь? Захотят князья и новгородцы каждую зиму и каждое лето своих людей в твоё ополчение на учебу отдавать – хорошо, а если нет? Мне же их заставить нечем. Что великий князь, что просто князь – считай, права одинаковы. А не обучишь, так они в самую решающую минуту дрогнут, не выдержав татарского напора. И тогда все.

– Да куда они денутся? – махнул рукой Вячеслав. – Обязательно дадут.

– Я уже два месяца назад послал в Киев, Смоленск и Владимир-Волынский гонцов с требованием, чтобы там собирали ополчение для совместного похода на Галич.

– И что? – живо заинтересовался воевода.

– А ничего. Из Киева ответ уже привезли. Мол, после Калки отойти не могут и потому вместо похода предлагают закончить дело миром, причем сам Галич уступить Бельзскому, чтобы он мне тоже чего-нибудь выделил. Как оно тебе?

– Этого я не знал, – нахмурился Вячеслав. – А Смоленск и этот, как там его, Владимир-Волынский?

– Василько Волынский пока молчит, но чувствую, тоже откажется под каким-нибудь предлогом. Но его хоть понять можно. Нельзя оголять границы, иначе Лешко Белый, заступаясь за своего шурина, в спину ударить может. А Смоленск не далее как вчера ответ прислал. Говорят, князь юный у них расхворался, а кому-либо другому вести дружины никак нельзя, ибо это будет умалением его достоинства.

– Ну, если они так, – сердито засопел воевода. – Ладно, сами напросились. Тогда я весь твой, княже.

– А что касается большого куска, то в успокоение тебе замечу, что лезть в Европу я не намерен и собираюсь ограничиться исключительно естественными пределами Руси, – заметил Константин. – На севере это прусские леса, далее Карпаты, ниже надо протянуть границу по реке Прут до ее впадения в Дунай и дальше по нему. То есть получается, что ни на какие венгерские или польские территории я не претендую, следовательно, никакой затяжной войны не будет.

– Гарантия?

– Даю девяносто восемь из ста, но при условии, что тех ребятишек, которые пришли или придут сейчас на помощь Бельзскому, ты не просто разобьешь, но разгромишь. Тогда дальнейшая война исключается. Причем надолго. И Андрей II, и Лешко Белый достаточно умны, чтобы утереть кровавые сопля, почесать синяки и шишки и больше не лезть ни в какие авантюры. Пойми, Слава, что каждое их поползновение – это разведка. А вдруг русичи ослабели, а вдруг получится отобрать у них пару-тройку городов, а потом и целое княжество? Не получилось – утрутся и затихнут, причем лет на десять, а то и на двадцать. Продолжительность затишья зависит от того, как сильно их побили.

Вячеслав знал, что больше девяноста восьми процентов гарантии князь никогда не давал, всегда оставляя один на чудо и еще один – на непредвиденную случайность. Словом, это был своего рода потолок, и если Константин с такой уверенностью заверяет его в том, что все будет в порядке, то верить ему можно.

– Ну что ж, – задумчиво произнес он. – На сто лет я, пожалуй, не вытяну, но вот чтобы и сами они запомнили, и детям своим передали в стихах и красках – постараюсь. На сколько лет мира тогда мы сможем рассчитывать?

– С учетом красочного рассказа детям – на полсотни, – заверил князь.

– А после Галича ты, конечно же, со всей ратной силой двинешься на Киев, – произнес патриарх.

– Очень удобно иметь под рукой вооруженные полки на тот случай, если киевляне вдруг закроют передо мной ворота, – заметил Константин.

– Брать будешь? – осуждающе покачал головой Мефодий. – Черной славы Андрея Боголюбского или Рюрика Ростиславича<sup>60</sup> захотел?

– У меня спецназ есть, к тому же пятая колонна. Да еще ты свое слово скажешь. В любом случае ни резни, ни пожаров в городе не будет, – твердо пообещал князь. – Да оно и надо-то всего на один раз. Святослава ты, владыка, уже в Рязани на царство благословлять будешь.

– Тщеславие в тебе говорит, сын мой, – горестно вздохнул патриарх. – Забыл ты, что тяжелее свинца шапка Мономаха, да и не каждому она впору.

– Не забыл. Просто я выхода иного не вижу. Я ведь детей княжеских не убивал, а они растут потихоньку, так что, останься я великим князем, рано или поздно они не с просьбами ко мне придут – с требованиями. Значит – вновь конфликты, пусть локальные, и постоянное ожидание удара в спину.

– Что в конце концов вызывает манию преследования и доводит человека до патологии, то бишь маниакально-депрессивного психоза, – подхватил Вячеслав.

– Ты где таких слов нахватался? – удивился изобретатель.

– Спирт с медиками почаше пить надо, – усмехнулся Вячеслав. – Особенно с военными. Помнится, сижу я как-то под Урус-Мартаном в палатке у подполковника Сергея Николаевича Горшкова, и у нас опять кончилось. Ну, думаю, чего делать-то? А он мне и говорит...

– Ты погоди про Горшкова, – перебил Минька. – Вот этот вот маниакальный... – это что?

– Проще говоря, синдром Ивана Грозного или Иосифа Виссарионовича Джугашвили, – пояснил воевода.

– Ну, Сталиным я навряд ли стану. Не та закваска, – мотнул головой Константин. – А вот то, что при отсутствии царя Русь ни единообразную грамоту с новыми шрифтами не получит, ни арабские цифры – это точно. Даже Рязанская.

– А она-то почему не получит? – не понял патриарх.

– Нельзя допускать таких радикальных отличий, иначе это может привести к отчуждению одной части Руси от другой. У нас ведь их и без того их чересчур, владыка. Сам посуди, в законах уже изменения имеются, причем солидные. Это раз. Про войско я и вовсе молчу. Да что войско, когда у нас сама власть построена на совершенно иных принципах.

– Ну, про власть ты загнул, – заметил Вячеслав. – Ты и сам точно так же боярские шапки раздаешь, а тиуны твои точно так же дань собирают с крестьян.

– Э-э-э, нет, дорогой мой верховный воевода. У кого на Рязани и судейская, и гражданская, и военная власти в одном кулаке держатся? У меня, верно? А ниже возьми. Тиун налоги собирает, судья судит, а тысяцкие и прочие – воюют. Словом, разделение. У них же любой боярин, точно так же, как и князь, все три власти имеет – и по налогам, и как судья, и в дни войны отряд свой собирает.

– И ты считаешь... – начал было патриарх, но был вновь перебит князем:

– Не будет у меня короны, не будет и неоспоримого права лезть в чужой монастырь со своим уставом. Каким образом я заставлю всех князей поголовно строить новые больницы, школы и прочее? Что можно, я сделаю по-старому, как и раньше тебе обещал. Самару, Саратов, Астрахань и прочие города не просто точно так же назову, но и на тех же местах

---

<sup>60</sup> Киев подвергался захвату и последующему чудовищному разграблению и разорению этими князьями соответственно в 1169 и 1203 гг., причем оба раза оно было настолько жестоким и варварским, что вызвало общий гнев всех без исключения летописцев, вне зависимости от их политических симпатий. Уже исходя из одного этого факта, возникает стойкая убежденность в том, что князя Владимиро-Суздальской Руси Андрея Юрьевича прозвала Боголюбским церковь, а современники, скорее всего, называли его совсем иначе и далеко не так уважительно, да и сама его религиозность была лишь внешней, показной.

выстрою. И Архангельск поставлю, и даже Санкт-Петербург близ Финского залива отгрохаю. Он мне все равно понадобится. Но нужна корона. И не для меня, а для Руси.

– А вот эта пятая колонна, – осторожно осведомился Вячеслав, задержавшись перед уходом, чтобы остаться с Константином один на один. – Это кто же такие?

– Я к Любомиру твоих спецназовцев отрядил во главе с Паниным.

– Так ведь он вроде в Киеве, – удивился воевода.

– Вот он вместе со своим товаром и Торопыгой в Галич и выедет. Якобы спасаясь от рязанских полков, которые на подходе к Киеву.

– А еще кого послал?

– Да считай всех, кого ты хвалил, когда только-только из Константинополя вернулся.

– А почему я не знаю? Мои же люди, – возмутился воевода.

– Ты просто забыл, Слава. Вспомни, я же просил их у тебя на несколько месяцев, чтобы дельце одно провернуть, – мягко поправил Константин.

– Это ты называешь дельцем? – скептически осведомился Вячеслав, но дальше продолжать не стал.

А упомянутая «пятая колонна» уже в самые первые дни пребывания в Галиче развернулась на всю катушку. Блуждая с лотками по улицам, за первые же две недели они успели не только изучить расположение всех улиц, но и сосчитать количество сторожевых постов на различных участках крепостных стен.

Кроме того, под руководством Любомира они неустанно создавали нужный настрой в ремесленных кварталах, рассказывая о доброте – Константина к простому люду, о его справедливости и честности. Причем передавалось все это под соусом: «Сказывал как-то мне один знакомец в Киеве (Муроме, Владимире, Суздале, Ростове и т. д.), что как-то князь Константин Рязанский...»

Заканчивалось же словами, позволяющими с негодованием отвергнуть все обвинения в шпионаже: «Но я этому не верю». И попробуй после этого к ним придерись. Причем когда их спрашивали почему, они отвечали бездоказательно, ссылаясь на то, что уж чересчур красиво оно звучит, или на то, что навряд ли бывают такие князья на белом свете, или уж совсем лаконично: «А вот не верю, и все тут!»

Понятно, что после таких слов в души слушателей западал совсем не комментарий, а сами рассказы – красивые, романтические, пропитанные светом доброты и справедливости. Все больше и больше людей начинали задумываться и все с большей неприязнью коситься на князя Бельзского.

Разведчикам и агитаторам оставалось лишь передать все необходимые сведения Константину. Для этого у них имелись особые стрелы. Древко каждой из них аккуратно раскалывали надвое, выдалбливали сердцевину, после чего вновь склеивали. Теперь, чтобы отправить необходимое послание, оставалось лишь засунуть его вглубь, затем залепить дырочку специально подобранным по цвету воском и...

Впрочем, это уже на тот случай, когда Галич сядет в осаду. Пока этого не произошло, вход и выход из града был совершенно свободным, так что мудрить не приходилось.

Александр Всеволодович отнюдь не был негодяем. Возможно, несколько беспринципным, чересчур желчным и лицемерным – это да, но таких владетелей на Руси сплошь и рядом было в переизбытке не только в ту пору. Более того, если им удавалось чего-то добиться, то летописцы их позднее даже славили, возвеличивая и всячески заштриховывая негативные стороны характера. Достаточно вспомнить Ярослава Всеволодовича, человека склочного и жестокого до безумия.

Однако это касалось лишь победителей, а Бельзский был неудачник, причем хронический. Можно даже сказать, что неудачи достались ему по наследству от его отца, которому не повезло с рождением. Всеволод Мстиславич был младшим сыном и потому всю жизнь

довольствовался крохами со столов своих старших братьев. Захотел Роман отдать ему Владимир-Волынский – отдал. Захотел обратно взять – забрал. Пришлось Севе несолоно хлебавши вновь возвращаться в Бельз.

Та же самая история повторилась и с сыном. В 1207 году польские князья Лешек Белый и Конрад Мазовецкий, поссорившись со Святославом Игоревичем, сыном героя «Слова о полку Игореве», выгнали его из Владимира-Волынского, отдав город своему родичу Александру Всеволодовичу.

Несмотря на относительную молодость – всего-то двадцать девять лет – он буквально за несколько месяцев сумел добиться приязни со стороны местных бояр. Когда поляки в том же году захотели посадить в городе Ингваря Ярославича, то именно бояре воспротивились этому, и Александр остался на княжеском столе.

Беда пришла, когда Бельзский достиг возраста Иисуса Христа. Распять его, правда, не распяли, но отобрали Тихомль и Перемышль, отдав их малолетним братьям Романовичам – Данилу и Васильку. Как выяснилось чуть позже, это стало лишь началом неудач. В том же 1211 году, когда Андрей II подарил Перемышль самому Лешко, тот, не желая обидеть Даниила, которому принадлежал этот город, взамен вручил юному Романовичу Владимир-Волынский, велев Александру возвращаться обратно в Бельз.

Затаив злобу на своих двоюродных братьев, Александр Всеволодович несколько раз выступал против них, но всегда безуспешно. Результат был один и тот же – его собственная дочиста разоренная волость и сожженный Бельз. Однако, невзирая на вражду, вскоре он оказывается вместе с ними в одной армии черниговского князя Мстислава, идущем на Рязань. Но тут князя Бельзского подкарауливала самая крупная неудача. В этот раз он не просто оказался в стане проигравших. Хуже того. Ему не удалось отсидеться даже в своей родовой вотчине. Победитель взял все земли князей, воевавших с ним, под свою руку, и не на время, а навсегда.

Александру оставалось бежать к Мстиславу Удатному и пытаться хитростью и лестью выжать хоть что-то с этого поборника справедливости. Вроде бы через пару лет начало что-то вырисовываться, когда по инициативе того же рязанца в Киеве собрался княжеский съезд. Появилась надежда на то, что Мстислав, избранный на царский трон, подарит Бельзскому Галич, но тот – еще одна неудача – от престола отказался.

Еще один шанс появился чуть позже, когда рязанского князя обвинили в тайных сношениях с римским папой и ввергли в поруб. В надежде вернуть хотя бы Бельз, Александр чуть ли не стелился в ногах галичского князя, но тот все басил, что обвинение пока что не доказано, да и не до того теперь. Словом, отказал.

Обида была так велика, что Александр даже не пошел на Калку. А чего ему там делать? Вот если бы в союзе с каким-нибудь сильным князем повоевать более слабого – другое дело, а так...

Пожалуй, отказ от совместного выступления против неведомого степного народца стал единственной удачей Бельзского. Мало того, что он сам оказался жив, так ведь еще и погибло столько князей, что по лестнице он получал право сразу на два княжества: Киевское и Смоленское.

Однако, вполне резонно рассудив, что уже давно самым главным правом на Руси стало право силы, после недолгих колебаний Александр решил отказаться от обоих, обратив свой взор на третье, которое освободилось со смертью Мстислава Удатного, не оставившего сыновей.

Были, правда, опасения, что на бесхозный Галич предъявит свои права его тесть Ярослав Всеволодович, который уже имел в этом княжестве один город. И тут новая удача – бездетный Ярослав умирает в Киеве, так и не доехав до своей вотчины.

Казалось бы, все, пошла полоса везения, которой Александр Всеволодович решил воспользоваться сполна, немедленно бросившись к королю Андрею II. Тонкие намеки на рязанского князя, который никогда не допустит, чтобы галичский стол достался венграм, сделали свое дело.

Да и у самого Андрея дела в Венгрии были столь запутанны, что ему было не до русского княжества.

Взяв с Александра Всеволодовича слово, что он никогда ни в чем не выйдет из его воли, король дал ему королевича Коломана, войско и воеводу Фильнея, с которыми князь немедленно метнулся к Галичу.

Однако, вполне справедливо опасаясь рязанского властителя, новоявленный князь тут же прислал послов к Лешку Белому, напоминая ему об их родстве и о том, что пришла пора рассчитаться за Владимир-Волынский, с которым его в свое время Лешко так унижил. Чувствуя свою вину, краковский князь пообещал помочь своему родичу.

Александр Всеволодович позаботился и о том, чтобы обеспечить себе поддержку со стороны владетелей Смоленского и Киевского княжеств, особенно последнего. В своих посланиях он напоминал, что является правнуком старшего из родных братьев Мстиславичей, поэтому теперь пришла именно его очередь княжить в Киеве. Но он не желает бездолить своих младших четвероюродных братьев, а потому принял решение отказаться от великого стола в их пользу, при условии, что они тоже помогут ему людьми в возможной предстоящей схватке с Константином Рязанским.

Провернув все это, он принялся достаточно спокойно взирать на самовластных и надменных галичских бояр, поклявшись в душе, что едва он отобьется от ненавистного рязанца, как непременно вздернет не меньше десятка из них на самом высоком дубу.

С венграми было похуже. Наглые, бесцеремонные и самоуверенные, они вновь наступали на те же самые грабли, в скором времени восстановив против себя городское население. Недовольны были все, от последнего нищего на паперти храма богородицы, который располагался в так называемом нижнем городе, до самых именитых бояр, чьи жены и особенно дочери уже не могли, как встарь, при Мстиславе Удатном, гордо пройти по кривым извилистым улочкам верхнего города.

Ропот среди простых горожан становился все сильнее. Доходило даже до того, что в дело вмешался сам венгерский воевода Фильней. По настоятельной просьбе князя Александра он повелел своим людям угомонить особо буйных и беспутных смутьянов. Вроде бы недовольство стало стихать. Надолго ли – князь не ведал.

К тому же его пугал и сам воевода. Происходивший из знатного рода, который был, пожалуй, чуть ли не древнее королевской династии Арпадов<sup>61</sup>, он больше всего жалел о том, что не довелось ему схлестнуться на мечях с Мстиславом Удатным<sup>62</sup>. Его единственного из всех русских князей он считал заслуживающим маломальского уважения.

Не смущали его и громкие победы рязанского войска. О разгроме крестоносцев Фильней говорил, что русичи взяли их числом, а не умением. К тому же самому венгерскому воеводе несколько раз приходилось сталкиваться с ними на полях сражений, и достигнутые в них победы лишь прибавили в нем самомнения.

О битве на Красных холмах он и вовсе отозвался исключительно с насмешкой, утверждая, что ему самому для разгона этой орды дикарей вполне хватило бы нескольких сот

---

<sup>61</sup> Арпад – первый князь мадьяр, которые под его предводительством заняли Паннонию и основали там Венгерское королевство, в котором он правил с 886 по 907 г.

<sup>62</sup> Автор напоминает, что появление Константина и его друзей внесло весьма существенные коррективы во многие события истории. Что-то из происшедшего не случилось, в том числе и сражение венгерских полков Фильнея с Мстиславом Удатным.

рыцарей. Про помощь русичей Иоанну Ватацису он тоже слышал, но считал, что многое преврали рассказчики, а на самом деле почти все сделал сам византийский император.

Словом, чем больше он слышал рассказов о Константине, тем больше возникало в нем желание проучить русича, которому так везло в жизни, что он ни разу не сталкивался с непобедимыми венгерскими полками, особенно если идут в бой под началом самого Фильнея. Поэтому больше всего он радовался именно в тот день, когда с высокого крепостного вала увидел, как из-за леса выходят и выстраиваются возле левого берега Днестра русские дружинники.

Своей наглостью он невольно ободрял галицких бояр, а заодно и самого князя. И Судислав, и Глеб Зереемеевич, и многочисленный клан Молибожичей, и многие другие надеялись на то, что Фильней сумет одержать верх над князем Константином. К тому же из-за спешности сборов рязанец не сумел собрать воедино все войско, ограничившись только пятью или шестью тысячами, из которых конных насчитывалась от силы тысячи две, не больше.

Фильней не мешал переправе, хотя на этом настаивал Александр.

– Неужто ты думаешь, что я их и так не разобью?! – возмущенно спросил он князя. – Напротив, если я сейчас выставлю на берегу своих воинов, то эти русичи, чего доброго, разбегутся в разные стороны, как трусливые зайцы, и где мне их тогда вылавливать? Нет уж, пусть спокойно выходят на нашу сторону.

– Но ты обещал мне обождать польские полки, – напомнил Александр. – Я надеюсь, что они уже на подходе.

– А не слишком ли много чести для этой голытьбы, которая по недоразумению называет себя воинами, – проворчал Фильней.

– Но ты мне обещал, – еще раз настойчиво повторил князь.

– Я рыцарь и обязан сдержать свое слово, – надменно выпрямился тот, сверху вниз глядя на невысокого князя. – Однако я давал тебе клятву, когда рязанских полков еще не было в пределах твоего княжества. Тогда я готов был ждать и, как видишь, не выступил им навстречу, сдержав ее. Гонцы Лешко Белого заверили меня в том, что не пройдет и двух недель, как войско поляков придет под Галич. Однако с того времени прошло уже три недели, но я не вижу ни краковского князя, ни его брата Конрада Мазовецкого, ни их людей. Возможно, они трусили и давным-давно повернули обратно. Тогда чего мы будем ждать?

– Еще неделю, – просительно повторил Александр, которого тупое высокомерие воеводы раздражало уже настолько, что он сдерживался изо всех сил, чтобы не вспылить и не сказать надменному Фильнею все, что он о нем думает.

– Три дня, – отрезал венгр и в знак того, что его слово окончательно и изменению не подлежит, повелительно тряхнул головой.

Пышный плюмаж на его шлеме величественно колыхнул белыми перьями, подтверждая правоту и непреклонность своего хозяина.

Но на третий день полки, обещанные польскими князьями, так и не подошли, зато прибыло подкрепление к рязанцам, на что Александр с некоторой тревогой обратил внимание Фильнея.

– Я на такие пустяки не гляжу, – раздраженно отрезал тот. – Подумаешь, пришла еще пара тысяч смердов, которых у нас в королевстве и за людей-то никто не считает. Завтра я тебе покажу, как надо разгонять это отребье, которое ведет себя с такой наглостью лишь потому, что еще не отведало моего железного кулака.

Люди князя Константина, которых так презрительно обозвал венгерский воевода, действительно вели себя весьма уверенно. Уже в первый день своего прибытия они прислали послов к князю, требуя убираться обратно в Угорщину и не забыть прихватить с собой всех остальных, потому как никто их на Русь не звал и делать им тут нечего.

«Остаться дозволяем только царевичу Коломану, – звучало далее в послании. – Потому как он нам ровня, да и ты, князь, можешь еще немного погостить в моем Галиче. А всех прочих – бояр, а также воев пришлых гони в шею, пока мы по ней не накостыляли».

Словом, текст был составлен в столь повелительных и властных тонах, что после его прочтения ни о каких дальнейших переговорах речи быть уже не могло.

Читать послание пришлось в присутствии воеводы и рыцаря фон Хеймбурга, представителя Тевтонского ордена. Венгерский король уже несколько последних месяцев с подозрением косился на крестоносцев, которым он сам разрешил незадолго до того расселиться в юго-восточном углу Трансильвании. Уж больно энергично и чересчур властно взялись они за дело. Андрей II оказался достаточно проницателен и уже стал догадываться, какую скрытую опасность таит в себе этот орден и какой вред он может принести королевству<sup>63</sup>.

Чтобы улучшить взаимоотношения и рассеять его сомнения, ландмейстер<sup>64</sup> Хеймбург сам предложил Андрею помощь в предстоящей схватке с русичами. Рыцарей в Трансильвании было пока немного, чуть больше семи десятков. Ландмейстер взял с собой пятьдесят из них, будучи уверенным в том, что такого количества вполне хватит, чтобы сокрушить десятеро больше схизматиков, осмелившихся взять в руки оружие, и обратить в паническое бегство всех остальных.

– Что мыслит барон? – почтительно спросил Фильней у фон Хеймбурга – единственного человека, к которому венгерский воевода испытывал уважение.

– После злобных сарацин это будет не более чем легкая прогулка, – небрежно заметил тот. – Я попросил бы только одной чести от воеводы – поставить моих доблестных рыцарей в сердцевину клина, которым мы завтра разорвем схизматиков надвое, причем так же легко, как поджаренного молочного поросенка. Надеюсь, князь, – слегка наклонил он голову в символическом поклоне, – что ваши бояре сумеют докончить начатое нами.

– Сумеют, – буркнул Александр Всеволодович, сердито глядя на самовластно распорядившегося чужеземца, которому было не более тридцати пяти лет, но тут же успокоил себя мыслью о том, что после победы он сделает все что угодно, лишь бы в самые кратчайшие сроки выдворить их всех обратно к королю.

Хорошо хоть, что второй сын короля, королевич Коломан, также прибывший вместе с Фильнеем, не доставлял особых хлопот, вел себя тихо и ни во что не вмешивался, большую часть времени проводя в отведенных ему покоях Верхнего замка и общаясь преимущественно со своим лекарем. Все эти дни ему нездоровилось.

А в это же время в корчмах и прочих веселых питейных заведениях продолжали свою неутомимую работу подручные купца Любомира, отчего настрой простых ратников, которых привели с собой галицкие бояре, опускался все ниже и ниже. Впрочем, они не только пугали, но еще и снисходительно учили, что делать, дабы уцелеть. Правда, из-за молодости и неопытности случались и проколы.

– Так ты сразу кидайся в снег, а копьё свое отбрасывай в сторону, – добродушно советовал Николка Панин перепуганному бородачу.

– Да у меня его отродясь не было. Вон, секира отцова, и все.

– Ну, секиру в сторону, а сам рожей в снег зарывайся.

– А не ссекут рязанцы?

– Да за что? – простодушно удивлялся Торопыга и бил себя кулаком в грудь. – На меня погляди! Жив ведь! А я ведь тоже с братьями и отцом три года назад на сече был. Под Ростиславлем нас всех и повязали, а рубить никого не стали. Князь нас даже в холопы обельные

<sup>63</sup> В 1224 г. орден будет изгнан из Трансильвании.

<sup>64</sup> Ландмейстер – областной магистр.

своим ратникам брать воспретил. – И подвел итог: – Таких, как мы, князь Константин не трогает, потому как понимает – подневольные. Повелели бояре, мы и пошли.

– Вот-вот, – кивал бородач, вдохновленный возможной перспективой спасения. – Я-то уж ладно, а вот сынов своих жалко. Все трое у меня тут. А куда денешься, коли Глеб Зереемеевич повелел? – сокрушенно разводил он руками. – Никуда ж не денешься.

– Ништо, – хлопал его по плечу Николка. – Все хорошо будет. Мы с тобой еще после встретимся да над страхами твоими посмеемся. Будь покоен, и сам жив останешься, и сыны твои тоже. Вот боярам да княжеским дружинникам – это да. Им и впрямь достанется, чтоб против князя нашего не вставали.

– Так ты... кто? – тут же насторожился мужик, мгновенно уловив слово «нашего».

Николка замялся, мысленно обругал себя на все корки, но затем с бесшабашной отвагой, свойственной юности, решился.

– Кто-кто, – передразнил он своего собеседника. – Сам, что ли, не понял? Потому и говорю как на духу – делай, что я советую. И не только сам с сынами, но и всем закажи. Как увидите, что наши полки пошли угорщину с немцами ломить, так сразу секиры, мечи, копья в стороны и рожам в снег.

– Побожись! – потребовал бородач, еще терзаемый сомнениями.

– Вот тебе крест! – размашисто осенил себя двумя перстами Торопыга.

– А еще потолковать с тобой можно ли? Таких, как я, много. Народ в сомнении пребывает. Меня-то они, может статься, и не послушают, а вот тебя...

– А слуг боярских или княжеских не приведешь? – подозрительно осведомился Николка.

– Да что ж мы, неужто без креста вовсе?! – возмутился мужик. – Какие слуги, когда тут о животе нашем речь идет! Чай, не без ума. Понимаем, что да как...

– Ладно, веди, – махнул рукой Торопыга.

Поэтому ни для Николки, ни для его друзей не было ничего удивительного в том, что едва лишь чаша весов слегка склонилась на сторону рязанских полков, как ратники пешего галицкого ополчения тут же начали бросать в стороны все, чем они были вооружены, и плюхаться в сугробы, закрывая головы руками. Сигналом к этому послужила отборная рязанская конница, которая выскочила с флангов и легко, почти играючи взрезала отряды галицких бояр, а потом устремилась в охват, сжимая в железном кольце венгерских и немецких рыцарей.

Им между тем и так приходилось несладко, хотя поначалу все шло так, как и планировал Фильней. Вогнутая середина пешего строя рязанцев при первом же столкновении с бравыми профессионалами покорно стала подаваться назад, хотя порядок при этом еще держала. Правда, полностью разрезать противника надвое у крестоносцев фон Хеймбурга не получилось. Чем глубже они вламывались, тем ожесточеннее становилось сопротивление русичей, но ландмейстер успокаивал себя мыслью о том, что это уже агония. Еще немного, совсем чуть-чуть, и все – схизматики побегут.

А потом неожиданно послышался громовой клич:

– Косари!

Фон Хеймбург даже не успел удивиться, а уж тем более понять, в чем же дело, когда кони его боевых товарищей стали с жалобным ржанием один за другим валиться на грязную снеговую кашу, превращая ее в темно-бурую, почти черную.

А ловкие воины, прячась за длинными овальными щитами своих товарищей, стоящих в передних рядах, продолжали орудовать косами, насаженными на длиннющие шесты, подсекая конские ноги и взрезая брюхо у тех, которые не были прикрыты снизу металлической рубашкой.

Фон Хеймбург хотел было крикнуть, чтобы уцелевшие рыцари немедленно поворачивали коней, но тут точно такая же участь постигла и его самого. Он со всего маху грянулся оземь, получил чудовищной силы удар по голове и потерял сознание.

Мудрая мысль об отступлении пришла в голову не только ему одному. Кровавая жатва была в разгаре и среди венгерских рыцарей, которым тоже доводилось несладко. Но те из них, кто сумел во главе с воеводой Фильнеем выскочить из мясорубки, в которую стала превращаться битва, лоб в лоб столкнулись с всадниками, вынырнувшими откуда-то сбоку, из-за стен Галича.

К тому же, как успел заметить князь Александр Всеволодович, чья дружина билась бок о бок вместе с венграми, а теперь отчаянно неслась куда глаза глядят, далеко не все рязанцы гнали коней наперерез отступающим. Меньшая часть на полном скаку летела к гостеприимно открытым городским воротам, которые почему-то не спешили закрываться.

Стража метнулась было к ним, но в это время десяток совсем юных отроков решительно встал на их пути.

– Не балуй, – произнес один, многозначительно поигрывая обнаженным мечом. – Ты что же, хочешь своего князя за воротами оставить?

– Так пока Александр Всеволодович до них доскачет, рязанцы внутри будут! – попытался пояснить пожилой стражник Михей, исполняющий должность старшего воротника<sup>65</sup>.

– Верно говоришь, – кивнул юнец, и его открытое мальчишечье лицо осветилось простодушной доброй улыбкой. – Его-то мы и ждем. – И он тут же произнес совсем иным, суровым тоном: – Баловать не будешь – останешься жив, а не то...

Стальное острие сверкнуло прямо перед глазами старого воротника. Тот беспомощно оглянулся по сторонам.

– Ах, ты еще учить нас будешь, сопляк! – внезапно выскочил из-за спины Михея Кречет, который уже давно метил на место старшого и теперь решил, наверное, что пробил его час.

Выхватив меч, он ринулся на юнца, который даже не шелохнулся, будто это его вовсе не касалось. Зато за спиной паренька что-то почти одновременно звонко щелкнуло, и сразу два железных арбалетных болта вошли в грудь Кречета.

– А ведь мог бы жить да жить, – хладнокровно произнес юнец, рассматривая мертвое тело, свалившееся к его ногам.

Такая быстрая смерть одного из воротников решила все. Остальным уже не захотелось лезть напролом, тем более что мальцов было не меньше десятка, то есть еще восемь арбалетов у них оставались заряженными, а в том, что они, не колеблясь ни секунды, немедленно пустят их в ход, сомневаться уже не приходилось.

К вечеру город был полностью взят, а пленные венгры вместе с Фильнеем заперты в просторном порубе, расположенном близ конюшен княжеского двора. Королевича Коломана среди них не было.

Бывший галицкий князь, оказавшийся в узилище вместе с Фильнеем, простонал, страдальчески держась за голову:

– Говорил же я, что надо польские полки обождать.

– С ними было бы полегче, – нехотя согласился венгерский воевода, но затем, немного подумав, добавил: – Вот только я не думаю, что мы их дождались бы.

<sup>65</sup> Воротник – стражник, ответственный за городские ворота.

## Глава 5

### Лучше худой мир

– *Одного я только в ум не возьму, батюшка, – после долгого раздумья прервал затянувшуюся паузу Святослав. – Какие ты слова отыскал, чтобы при венчании на царство пред тобой и угорский<sup>66</sup>царевич склонился, и ляшские князья? К тому же, как я слышал, и прочие князья уговорились супротив тебя выступить, чтоб никто на венчание не пришел, а вышло иначе совсем...*

– *Тут главное – попросить как следует, – вздохнул Константин.*

– *Ага, но главное, чтоб звучало убедительно, – с невинным видом добавил Вячеслав, покосившись на безмятежное и кроткое лицо друга.*

– *Без этого никак, – лениво отозвался Константин.*

*Говорить не хотелось, да и непогода, которая вновь постепенно начинала расходиться за заледенелым окошком возка, располагала к совершенно иному. В такие минуты ему хотелось не беседовать, а размышлять. Или предаваться воспоминаниям...*

Александр Всеволодович не знал, что, невзирая на все свое высокомерие, Фильней был прав, предположив, что ждать польских полков не стоило.

Гонцы не лгали, утверждая, будто сводный отряд Лешка Белого и Конрада Мазовецкого выступит буквально со дня на день. Он действительно вышел из Сандомира, где жители Кракова соединились с мазовшанами, всего через три дня после того, как их посланцы убыли в Галич. Однако на его пути лежали владения Константина Рязанского, который отнял Луцк, Бельз и Червень с прилегающими к ним землями у Ингваря Ярославича и Александра Всеволодовича. Земли эти были вытянуты с востока на запад вдоль всего Владимиро-Волынского княжества, гранича с юга с Галицким княжеством, а с запада – с владениями Лешко Белого.

Разумеется, и Лешко и Конрад хотели миновать их стороной, пройдя в обход, по замерзшему Сану – притоку Вислы, напрямую в земли галицкого князя, но у них это не получилось. Ближе к полудню пятого дня, считая со времени их выступления из Сандомира, когда до галицкого города Ярослава оставалось не больше двадцати верст, передовые дозоры поляков напоролись на русичей.

– *Далее ходу для вас нет, – спокойно объявил стоящий впереди двух десятков русских дружинников Евпатий Коловрат. – Послан я от Константина Рязанского и имею слово к вашим князьям, так что проводите меня к ним.*

Задраться смысла не имело. На узкой просеке, лежащей среди дремучего леса, для настоящего рыцарского боя не имелось места. К тому же за дружинниками высился здоровенный завал, за которым угрожающе поблескивали наконечники русских копий.

Кое-кто из тех поляков, что были помоложе, немедленно схватились за мечи, но старший польского дозора, пожилой рыцарь Миколай из Туробоев, так рыкнул на них, что оружие почти мгновенно вернулось обратно в ножны.

---

<sup>66</sup> Угорский – венгерский.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.